

ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕКОНСТРУКЦИИ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ (ямная культурно-историческая область)

Понятие “археологическая культура” уже понятия культуры в целом, включающем в себя все, что создано человеческим обществом. К тому же следам и остаткам древних обществ присущи специфическая природа и принципиальное отличие от результатов деятельности реально функционирующих обществ [1.-С.4-6]. Археологические культуры (крупные общности археологического материала, выявляемые территориально и разграничиваемые на карте) далеко не всегда совпадают с общностями этническими – народами, племенными группами. Причем не только в границах, но и в содержании [2.-С.53]. В научных работах археологическая культура выступает то как совокупность материальных остатков, то как живой и действующий социальный организм. Все же следует признать, что археологическая культура – это не прежняя историческая действительность, а плод наших интеллектуальных усилий по упорядочению археологических источников и их исторической интерпретации [3.-С.13-14].

Понятие “археологическая культура” в какой-то степени искусственное. И не по той причине, что мы не знаем самоназвание стоящего за ней человеческого коллектива, его структуру, язык, обычаи и т.п. А потому, что условны (а, возможно, недостаточно разработаны) критерии, по которым выделяются археологические культуры. Это приводит к различному пониманию одной и той же культуры различными авторами. Археологи периодически возобновляют дискуссии об археологической культуре, при этом число ее определений достигло около 500 [4.-С.57]. Как правило, основой выделения археологических культур является материальный комплекс, чаще всего – керамика, реже – другие артефакты. При этом сведения, дошедшие до нас, зачастую деформированы: в ряде случаев одни культуры представлены исключительно бытовыми памятниками, другие – погребальными. Последние имеют свои особенности: это закрытые комплексы, сознательно формируемые людьми, совершающими погребальный ритуал. Поэтому заложенная в них информация, в основном, отражает мировоззренческие и социальные аспекты бытия. Этнокультурная специфика выражена слабее: порой отнесение погребений к определенной культуре является весьма затруднительным, даже при наличии инвентаря.

Неизбежно возникает вопрос: правильно ли мы делаем, когда за общими чертами в предметах материальной культуры видим отдельные социальные организмы древности? [3.-С.8]. Особенно рельефно выступают все эти противоречия при рассмотрении феномена, традиционно обозначаемого как ямная культурно-историческая область (общность).

Н.Я. Мерперт впервые очертил древнеямную культурно-историческую область, которую прежде обобщенно связывали с Волго-Днепровским междуречьем, отодвинув западную границу древнеямной культуры до Подунавья. Автором были выделены внутри нее девять локальных вариантов [5]. Особую роль в формировании и распространении этого образования он отводил Волго-Уральскому региону, содержащему, на его взгляд, наиболее “чистые” признаки культуры [6.-С.147]. На фоне этих положений в археологической науке складывается и развивается тенденция рассматривать как широкомасштабное явление продвижение носителей ямной культуры с востока на запад, включая Балканы. Вопрос о неоднократном последовательном проникновении восточноевропейских скотоводов в среду древнеземледельческих цивилизаций впервые был сформулирован наиболее полно еще во второй половине 50-х годов XX века М. Гимбутас [7]. С массовой миграцией ямных племен и завершением процесса индоевропеизации обществ Европейского континента она связывает “третью волну”. Концепция восточного происхождения ямной КИО долгое время оставалась практически единственной и господствующей в советской историографии. Споры вызывали, пожалуй, лишь два момента. Первый из них касался времени проникновения носителей ямной культуры в западный ее ареал (ранний или поздний этап развития культуры). Второй момент связан с характером освоения скотоводами западных территорий: предполагается несколько волн разрушительных вторжений с востока (М. Гимбутас, В.Н. Даниленко,

Н.М. Шамаглия, В.А. Дергачев) либо постепенное и довольно длительное проникновение оттуда же (Н.Я. Мерперт, И.Л. Алексеева, Е.В. Яровой).

Почти полное отсутствие до середины 70-х годов в Волго-Уральской степи и лесостепи памятников эпохи энеолита затрудняло исследование проблемы происхождения на этой территории “классической” ямной культуры. Положение казалось бы изменилось с открытием хвалынской энеолитической культуры и выделением хвалынской-среднепалеолитической культурно-исторической общности [8.-С.31-34]. Появляется тенденция к вычленению в субстратный пласт, связанный с предыдущей энеолитической эпохой тех древнейших погребений, которые Н.Я. Мерперт относил к I общедревнеямному горизонту [6.-С.77-79]. В Волго-Уральском регионе эти памятники связываются в культурно-хронологическом аспекте с памятниками хвалынской культуры [9.-С.36-37]. Казалось бы, начинает вырисовываться четкая линия этнокультурной непрерывности в районе формирования ямной культуры. Однако дальнейшие исследования разрывают эту логическую цепочку. Разработки последних лет свидетельствуют о наличии значительного хронологического разрыва (более тысячи лет) между хвалынскими и ямными памятниками, который лишь частично заполняют памятники с репинской керамикой. Репинским памятникам предшествует несколько захоронений, синхронных константиновским и майкопско-новосвободненским древностям [10.-С.87]. Все же генетическая связь “хвалынской-бережновского этапа” энеолита Поволжья с классической ямной культурой Волго-Уральского региона становится сомнительной [11.-С.126]. Вопрос об ареале формирования ямной культуры остается открытым.

Между тем исследователи и ранее осознавали противоречивость и гипотетичность данной концепции. Ведь погребальные памятники хвалынской культуры располагались в лесостепной зоне. В собственно степной зоне Волго-Уральского междуречья, впоследствии освоенной ямными племенами, такие памятники не зафиксированы. Имеющиеся немногочисленные энеолитические поселения степной полосы не дают полного представления о доямном культурном субстрате. Значительные различия в материальной культуре и погребальном обряде также являлись препятствием для подтверждения взаимосвязи ямной и хвалынской общностей. Погребения раннего этапа ямной культуры в очень малой степени демонстрируют черты наследственности от предшествующего, энеолитического этапа [12.-С.13, 20]. И, наконец, оставалась непонятной причина перехода лесостепного населения от оседлого образа жизни к более подвижному, что должно было произойти в процессе трансформации хвалынской культуры в ямную [11.-С.126].

Д.Я. Телегин считает, что сложение ямной культуры происходило в Причерноморских степях, на основе среднепалеолитической культуры [90]. Однако для последней характерен бескурганый обряд погребения. В дальнейшем Ю.Я. Рассмакин выделяет постпалеолитическую группу подкурганых захоронений [13]. Автор предполагает формирование ямной культуры на степных просторах Украины [14.-С.294-295]. Очень осторожно предполагал формирование некоторых групп ямного населения в Поднепровье Н.А. Рычков [15.-С.99, 104, 105].

Высказывается мнение и о кавказском импульсе. П.Ф. Кузнецов считает, что раннеямный этап Волго-Уралья хронологически может быть сопоставлен с началом эпохи ранней бронзы Кавказа. По его мнению, расцвет Майкопа был тем катализатором, который определил вектор развития ранней бронзы в степях Восточной Европы. Процесс во многом определялся контактами подвижных степных групп населения и культур Кавказского очага; возможно и прямое проникновение отдельных групп на территорию Волго-Уралья [16.-С.66]. Последнее предположение подтвердилось и антропологическими данными [17].

Особняком стоит точка зрения В.А. Сафронова, переносящего первоначальный ареал индоевропейцев из Волго-Уралья в Подкарпатье и Подунавье, определяя ямные памятники Северного Подпрутья как самые древние остатки этой культуры. По мнению автора, древнеямная культура сложилась на основе культуры воронковидных кубков в степных и лесостепных районах, близких к Прикарпатыю. В ней же зародились древнейший курганный обряд и основные типы керамики, известные в ямной культуре [4]. Эта теория была поддержана рядом исследователей [18; 19; 20], но не стала доминирующей³.

³ В дальнейшем к выводу о западном происхождении курганной традиции пришел и Ю.Я. Рассмакин;

Получает развитие концепция о влиянии репинской культуры на формирование ямной. Сложение первой чаще всего связывают с Подоньем [21] или с бассейном Северского Донца [22.-С.96]. Керамику репинского типа в ямных погребениях Днепро-Волжского междуречья обычно считают ярким индикатором принадлежности комплексов к раннему этапу ямной культуры [23; 24.-С.23; 25; 11]. Дискуссия ведется по поводу признания погребений с керамикой типа Верхняя Маевка-Кременевка-Волонтеровка ранним звеном в формировании ямной культуры Украины, следствием локального своеобразия памятников Орель-Самарского междуречья [26.-С. 336-352] или результатом миграции в Поднепровье населения репинской культуры [27]⁴. На Средней Волге также известны погребальные комплексы ямной культуры, где обнаружена керамика репинского типа. Однако репинских поселений севернее Нижнего Поволжья не обнаружено. Исследователи отмечают, что на ранних этапах формирования классической ямной культуры можно говорить только об определенном влиянии репинской культуры. [12.-С.17-20].

Репинскую культуру чаще всего соотносят с этапом Триполье СII [26; 14; 28]. Этот этап датируется различными исследователями в различных хронологических интервалах. Одним из последних вариантов является диапазон от 3500 до 2750 гг до н.э. (по калиброванным датам) [29]. В контексте работы не столь важны даже прародина, верхняя и нижняя границы культуры, как ее содержание: могла ли репинская культура быть основой для формирования собственно ямной КИО.

В любом случае ареал репинской культуры не сопоставим с ареалом ямной. Исследования последних десятилетий, увеличение источниковедческой базы, ее анализ и осмысление в историческом аспекте, на наш взгляд, не решили, а напротив, еще более обнажили существующие противоречия. Классические ямные памятники, возникшие, как считают, на репинской основе, оказываются старше памятников смешанных, ямно-репинских, типов (табл. 1)⁵. В одной из последних своих работ З.П. Марина, отрицая репинские миграции, пытается разрешить противоречия синстадиальностью и общими закономерностями развития культур. Именно этим, на ее взгляд, объясняется сходство керамики раннеямных погребений и этнокультурных образований энеолит-раннебронзового века в Днепро-Волжском междуречье [30].

Исследователи отмечают, что от решения вопроса о преемственности культур или их резкой смены зависит решение одной из важнейших проблем – автохтонности или привнесенности культуры со стороны, эволюции местного населения или миграции инокультурных племен с других территорий. Памятники, совмещающие в себе отдельные элементы двух культур, могут свидетельствовать либо об эволюционном развитии, либо о сосуществовании носителей различных культурных традиций на одной территории в некотором фиксируемом хронологическом интервале [31.-С.19].

Раскопки поселений на Северском Донце содержат немногочисленную ямную и репинскую керамику в смешанных слоях; при этом имеются более ранние слои только с репинской керамикой. По публикуемым радиоуглеродным калиброванным датам, период бытования репинской культуры в

первичный внешний импульс, на его взгляд, связан с развитием Балкано-Карпатской металлургической провинции и формированием системы престижного обмена. Ранняя же история развития степной монументальной архитектуры развивалась между Северным Кавказом и Балкано-Карпатским миром [27.-С.59; 36.-Р.60-66].

⁴ Ю.Я. Рассмакин полагает, что в переходный к эпохе ранней бронзы период на степных просторах Украины наблюдались значительные миграционные процессы. Они были связаны с двумя культурными группами – репинской и животиловско-волчанской. Репинские племена являлись предвестниками ямной культуры: именно у них наиболее четко стали проявляться основные черты обряда и материального комплекса, которые в полном виде проявились у ямного населения [14.-С.293-295]. Несколько позже автор смещает акценты. Распространение в ямной среде повозок и таких форм посуды, как амфоры, чаши и кубки Ю.Я. Рассмакин связывает с продвижениями животиловско-волчанских племен [36.-Р.55]. Заметим, что исследователи уже обращали внимание на сходство форм животиловских и ямных кубков [84.].

⁵ В то же время распространение репинской культуры за пределами Среднего Дона А.Т. Синюк связывает с возросшей активностью ямных племен, воздействующих на репинские племена [85]. Обрядовые инновации (смена вытянутых на спине погребений скорченными на спине, устройство курганных насыпей), по наблюдению А.Т. Синюка, можно рассматривать как следствие воздействия традиций древнеямной этнокультурной среды [21]. Эти положения слабо согласуются с той ролью репинской культуры, которая уготована ей другими исследователями.

Подонцовые можно датировать 35-27 вв. до н.э., период сосуществования ямной и репинской культур приходится на период 28-27 вв. до н.э. [32.-С.61]. Несколько более раннюю дату “контактного периода” дают погребения из Кременевки в Северо-Восточном Приазовье – 30-29 вв. до н.э. [33]. Таким образом, «контактный период» укладывается в диапазон 30-27 вв. до н.э.⁶

Возможно, следует говорить лишь о контактах и взаимодействии ямных и репинских племен на определенном этапе и в определенном ареале, индикатором чего служит репинская керамика? Так, Н.Л. Моргунова полагает, что на репинском этапе процесс формирования ямной культуры в Волго-Уральском междуречье уже завершился [34.-С.108].

В энеолите – бронзовом веке вопросы создания культурных общностей не могут решаться однозначно и связываться с единым источником, единой тотальной инвазией, непосредственным продвижением с Кавказа в Восточную Европу или наоборот. Процесс был значительно сложнее [35]. Не находит серьезных доказательств, по мнению исследователей, восточная инвазия первых курганных народов с Поволжья и Северного Прикаспия [27; 36]. Малоубедительным представляется и тезис о “поворотном моменте” в истории Юго-Восточной Европы, связанном с проникновением носителей степных культур на запад [37.-С.113]. К тому же, рассматривая памятники Балкан, Л. Николова пришла к выводу, что ямная культура смогла интегрироваться только в восточно-балканскую систему, достигая в Карпатском бассейне Восточной Тисы, но осталась чуждой для Центральных Балкан [38.-С.449]. Справедливости ради отметим, что масштабы ямного «нашествия» на Балканы подвергались сомнению довольно давно [39].

Тем не менее традиции оказываются сильнее фактов. В монографических и диссертационных исследованиях, обобщающих теоретических статьях продолжают постулироваться и развиваться все те же идеи и пути продвижения носителей ямной культуры с востока на запад [15.-С.40-44]. В.А. Дергачев последовательно отстаивает теорию М. Гимбутас [45.-С.188-191]. И.В. Манзура полагает, что модель М. Гимбутас начинает работать только в раннем бронзовом веке и связывает начало ее функционирования с ямной культурой [46.- Р.100].

А.В. Николова разбивает массив ямных памятников региона на территориальные группы, определяя степень сходства между ними (на основе формализации признаков погребальной обрядности) [43.-С.7-8]. Выделяются два основных территориальных ядра: восточное от Северского Донца до Днестра и западное – от Днестра до Дуная. Исследовательница отмечает, что эти выводы свидетельствуют не о механическом разделении памятников по Днестру, а о наличии нескольких путей продвижения носителей ямной культуры в процессе освоения степей Украины.

1. Орель-Самарское междуречье, Запорожское лево- и правобережье, Никопольская и Одесская группы;

2. Луганско-Донецкая, Молочанская группы, Запорожское левобережье и далее вниз по течению Днестра до степного Крыма;

3. Все нижнеднепровские памятники на правом и левом берегу, междуречье Ингула и Южного Буга, исключая приморскую полосу Херсонщины.

Между тем, установление степени связи между регионами не указывает ни на направление векторов связи, ни на сам факт передвижения населения.

В этом контексте вполне уместно привлечение данных антропологии, которые могут способствовать подтверждению или опровержению миграционных концепций. Полагают, если трансформация археологической культуры не сопровождалась сменой антропологического типа ее носителей, то это автохтонное развитие. Если же параллельно изменению археологической культуры меняется антропологический тип населения, то это, вероятнее всего, миграция [17.-С.195]. Антропологический состав населения ямной культуры был весьма неоднородным. Согласно исследованиям С.И. Круц [47], на лесостепном Правобережье Украины (Баштетки), в бассейне Северского Донца и Среднего Дона обитало долихокефальное население с широким и высоким лицом (протоевропейский антропологический тип). То же самое население, но “смягченный” антропологический тип, занимало междуречье Буга и Ингула, левый и правый берег Нижнего Днестра

⁶ Заметим, что в первом случае анализы выполнены по кости, а во втором – по дереву. Радиоуглеродные даты, полученные по кости, могут быть омоложены, тогда как даты, полученные по дереву, напротив – удревнены [33].

(каховская и верхнетарасовская группы). Население Орело-Самарского междуречья и верховьев Ингульца (Криворожье) – мезодолихокранное, с широким и средневысоким лицом, по комплексу признаков отличается от других групп ямного населения протоевропейского типа. В Северо-Западном Причерноморье присутствует влияние одного из вариантов восточносредиземноморского типа, распространенного среди племен ямной и кеми-обинской культур в степном Крыму. Этот же тип (с долихокранной формой черепной крышки, относительно узким и длинным лицом) распространен на юге Херсонщины (Приморье), в бассейне р. Молочной, степном левобережье Поднепровья (Запорожская группа).

Сопоставление антропологических типов по регионам показало их несовпадение с предполагаемыми путями освоения причерноморских степей (рис. 1, 3, 4). Оказалось, что лишь третий “путь” (по А.В. Николовой), а точнее – ареал, где наблюдается высокая степень связи между археологическими признаками, совпал с единым антропологическим типом. Сразу следует отметить, что говорить о нашествии ямных племен с территории “ядра культуры” – с Поволжья – не приходится. Для более восточных территорий распространения ямной культуры (Нижнего Поволжья, Северо-Западного Прикаспия) характерен, в основном, брахикранный, с широким и низким лицом, антропологический тип, на Украине компактно не представленный. Напротив, можно проследить «средиземноморский импульс», который постепенно угасает по направлению к восточному ареалу⁷. Сравнительно недавно средиземноморский тип прослежен даже в ямной культуре Южного Приуралья, на позднем ее этапе, наряду с распространенным там протоевропейским мезокранным, долихокефальным и уралоидными типами [17]. В одной из последних обобщающих антропологических работ была выдвинута гипотеза о влиянии средиземноморского типа на сложение физического облика нижневолжского населения ямной культуры [18].

Но в целом говорить о массовых миграциях носителей ямной культуры ни с востока на запад, ни с запада на восток не приходится. С.И. Круц считает, что почти все антропологические типы энеолита и бронзового века Украины имеют местные, но разные корни. Динамика развития их во времени не дает возможности утверждать какое-то массовое переселение народов на этом историческом этапе, за исключением местных перемещений. Появление новых культур не было связано с полной сменой населения; для древнеямной культуры, как полагают антропологи, это доказанный факт [48.-С.129-130].

Практически одновременно с Н.Я. Мерпертом, выделившим ямную культурно-историческую область [6], В.Н. Даниленко вводит понятие “этно-культурная область” [49]. Эти понятия не адекватные, но допускающие различное происхождение каждой культуры или варианта, входящего в КИО. О.Г. Шапошникова впервые употребляет термин “ямная культурно-историческая общность” [26.-С.336], который затем начинает восприниматься в литературе как синоним понятия “область”. Хотя разница между данными терминами весьма существенна: общность предполагает генетическое единство [4].

За последние тридцать лет число локальных вариантов и групп ямной КИО существенно увеличилось; уточнялись и детализировались границы и особенности выделенных ранее [50; 42; 43; 11 и др.)⁸. Гомогенность и генетическое единство ямной культурно-исторической области становятся все менее очевидными.

Заметим, что выделение отдельных культур обычно основывается на своеобразии их материального комплекса. Наиболее выразительным в этом аспекте является керамика, ее форма и орнаментация, отражающие прежде всего этнокультурные признаки и межкультурные связи⁹. Анализ технологии изготовления, декора и семантики орнаментальных мотивов керамической посуды дает

⁷ Такой же тип распространен в раннем и среднем неолите Северо-Запада Болгарии, в Румынии (Криш-Старчево, Хамаджия, Боян), в энеолите этого района (Гумельница, Триполье), а также в энеолите Северного и Южного Кавказа, в Южном Прикаспии [86; 19].

⁸ Даже в относительно компактной зоне степной Украины учтено 12 территориальных вариантов, выделенных на основании формализации и анализа структурных элементов погребальной обрядности (курган, погребение, останки погребенного и сопровождающие его атрибуты, погребальный инвентарь) [43.-С.7-8]. Впрочем, число их все увеличивается за счет более дробного членения уже имеющихся.

⁹ Включение посуды в погребальный ритуал изменяет ее семиотический статус [83-4]. В контексте работы на передний план выступает этноинформативность керамики.

основание для выводов об этнической принадлежности тех или иных археологических культур. При рассмотрении ямной КИО основной акцент делается на погребальный ритуал, его унификацию на огромной территории. Исследователи отмечают, что традиции ритуалов опосредованы в целом идеологическими представлениями того или иного общества, на которые воздействуют два фактора – этнические особенности и общественные отношения [51.-С.149]. Ведущим признаком и основой интерпретации в области общественных отношений является прежде всего количество трудовых затрат, вложенных в создание того или иного погребения. Способ погребения несет в себе значительную мировоззренческую, идеологическую, социальную нагрузку. Инвентарь же, помимо прочих аспектов, чаще всего служит культурной (или этнокультурной) дефиницией. В отношении ямной культуры мы видим проявляющееся несоответствие: основным признаком, позволяющим отнести памятники к ямной культуре, выступает как раз способ захоронения. Возможно, в какой-то степени, это связано с безынвентарностью значительной части захоронений. Когда же рассматривается инвентарь, как погребальных, так и бытовых комплексов, вырисовывается пестрая и неоднозначная картина.

Отличия между выделяемыми территориальными группами ямной КИО фиксируются, прежде всего, в материальной культуре, особенно – в керамике и ее типологии [52]. Общая классификация керамики, проделанная исследователями, позволила им выделить макроструктуры (классы) разного характера, которые отражают разную степень близости. Классы включают в себя несколько кластеров или представлены отдельными кластерами, не объединенными с другими. Оказалось, что некоторые классы зафиксированы в ареале от Волго-Уральского междуречья до Дуная, другие распространены лишь в степной зоне Украины¹⁰. Выделенные (на основе степени сходства керамики) регионы не совпадают с традиционными локальными вариантами. А.В. Николова полагает, что если рассматривать керамику как индикатор этнокультурной специфики памятников, то проблематично и выделение двух зон ямной культуры на территории Украины, с границей по Днепру, предложенное В.А. Сафроновым [4] и Н.А. Рычковым [42; 15]. Сопоставление публикуемых различными исследователями керамических серий из отдельных регионов зачастую демонстрирует больше различий, чем сходства.

Из других артефактов наиболее выразителен металлический комплекс ямной КИО. Однако основные изделия из металла внутри ареала ямной культуры во многом однотипны. Это может объясняться, с одной стороны, вхождением ямной КИО в состав Циркумпонтийской металлургической провинции с ее определенным, “стандартным” набором металлического инвентаря¹¹. С другой стороны, престижность металла способствует распространению универсальных форм на дальние расстояния. При этом все же имеются металлические изделия, тяготеющие к определенным регионам. Накладывает отпечаток и близость к металлургическим очагам. И все же металл раннебронзового века в меньшей степени, нежели керамика, может выступать культуроопределяющим признаком либо, напротив, служить для выделения локальных вариантов.

Н.А. Рычков отмечает, что в основу локальных вариантов ямной культуры Северного Причерноморья был положен критерий территории, с последующей характеристикой памятников, расположенных на ней. Недостаток такого подхода в том, что специфические элементы памятников не выступают системообразующими, отчего локальные варианты, хотя и содержат данные об этнической неоднородности ямной КИО, не вычлениают этнические общности. Он выделяет несколько основных позиций расположения умершего в могиле (скорчено на спине, на правом боку, на левом боку). В сочетании с ориентировкой они образуют шесть этникосов¹² и связаны с этническими особенностями и различными этническими корнями носителей ямной культуры¹³.

¹⁰ Любопытно, что бесшейные круглодонные сосуды, считающиеся наиболее типичной ямной керамикой, отсутствуют в Среднем Поволжье – “прародине” ямной культуры [12.-С.23].

¹¹ Основным признаком ЦМП стало удивительное сходство 1) морфолого-функциональных признаков у основных (диагностичных для ЦМП) категорий медного и бронзового оружия и орудий; 2) господство близких технологических признаков отливки ряда основных видов оружия; 3) едва ли не повсеместное господство мышьякового производства.

¹² Под этникосами Н.А. Рычков понимает разноэтничные компоненты населения заданного региона, образования, не составляющие социального единства [42.-С.12].

¹³ Характерно, что их соотношение на различных территориях ямной КИО различно как в

Основываясь на этом, автор делает вывод об отличии этнического процесса на Левобережье и Правобережье [42; 15]. Важным выводом его исследований является подтверждение на новом уровне тезиса неоднородности ямной культуры, обособленности различных территорий. Н.А. Рычков отмечает, что наряду с «общностью территории» (распространением отдельных черт на широком пространстве) в ямной культуре Украины наблюдается и различие – сосредоточенность отдельных черт в определенной местности.

Помимо локальных особенностей, отмечается и неравномерность в социальном и экономическом развитии различных племен ямной культуры [14.-С.347]. В частности, определенным социальным центром считают Северо-Западное Причерноморье, где концентрируются престижные артефакты, особенности погребального ритуала. Еще один крупный центр выделяет Н.А. Рычков в регионе между нижним течением Южного Буга и Днестра. Автор предполагает существование и других подобных центров [15].

Таким образом, говорить о тождестве и единстве материальной культуры, как и этносоциального развития, в ареале ямной КИО не приходится.

Определенная роль в изучении вопроса может быть отведена данным абсолютной хронологии, основанной на радиоуглеродных датировках. Накоплена довольно значительная источниковедческая база, позволяющая выявить основные аспекты хронологии культур энеолита и бронзового века [53; 54; 33; 55; 56; 57 и др.]. Следует согласиться с мнением исследователей о существовании ряда проблем при использовании и интерпретации таких дат [27]. К ним относятся омоложение дат, полученных по костям и удревание полученных по дереву [58], разные даты по одному и тому же комплексу, полученные в разных (а порой – в одной и той же) лабораториях, иногда – несоответствие датировок данным стратиграфии¹⁴ и т.п. Тем не менее массовость материала позволяет пренебречь некоторыми неточностями для уяснения общих тенденций¹⁵.

Оказалось, что в целом наиболее поздние даты связаны с центральной частью степного ареала ямной культурно-исторической области (Днепро-Бугское междуречье)¹⁶. Памятники Северо-Западного Прикаспия ранее датировались исследователями также относительно поздним временем – в пределах от 28 до 22-21 вв. до н.э. [59]. В дальнейшем те же авторы приходят к выводу, что появление в этом регионе носителей ямной культуры соотносится с хронологическим периодом 3450-3000 гг. до н.э. [60.-С.82]. По схеме Е.Н. Черных, Л.И. Авиловой, Л.Б. Орловской памятники раннего бронзового века объединены в блок, куда наравне с другими культурами включаются майкопская, новотиторовская, ямная, кеми-обинская и пост-трипольская культуры. Они относятся к 33-25 вв. до н.э. [53.-С.7, 29]. По схеме В.А. Трифонова блок культур ямная-новотиторовская-дольменная-куро-аракская занимает интервал 3200-2500 гг. до н.э. [54.-С.79-80]. Ю.Я. Рассемакин датирует начало раннебронзового века (и распространение ямной культуры в Причерноморских степях) более

количественном плане, так и в хронологическом аспекте.

¹⁴ В этой ситуации при анализе образцов дерева или угля следует делать поправку и на средний возраст колец дерева, который уже имел место времени сооружения погребальной конструкции. Его считают равным около 50 годам [58]. К тому же для бревна возраст наружных и внутренних слоев будет отличаться (на возраст жизни дерева). Порой этого оказывается достаточно для устранения несоответствия между данными стратиграфии и радиоуглеродной датой. В отношении дат, полученных по костям, имеются свои особенности. Существуют процессы изотопного фракционирования, которые могут воздействовать на содержание радиоуглерода в образце. Если организм (или человеческая популяция) находится на морской диете, его углеродное изотопное соотношение может оказаться несколько смещенным по океанскому образцу, где заметно обеднение радиоуглеродом по сравнению с обычной сухопутной биосферой. С другой стороны, органическая составляющая пористых костей абсорбирует молодые гумусовые вещества, фильтрующиеся с органо-минеральными растворами с поверхности отложений, которыми сложена могильная насыпь [87.-С.40]. Заметим, что разная структура кости человеческого скелета, видимо, может повлиять на расхождение в датах по нескольким образцам из одного погребения, на что обращали внимание исследователи [55; 56].

¹⁵ При составлении таблиц предпочтение отдавалось не первоисточникам, а сводным публикациям, где массивы дат калиброваны по единой программе (OxCal). В единичных случаях калибровка дат (по территории Северо-Западного Причерноморья) производилась автором с помощью той же программы. В группу дат, полученных по дереву, включены также даты, полученные по углю. Учитывая тот факт, что анализы по кости начали проводиться относительно недавно, старые даты с неизвестным материалом для исследования также присоединены к первой группе.

¹⁶ Заметим, что речь идет не о единичных датах, а о вполне сопоставимых сериях.

поздним временем: финал энеолитической эпохи он относит к 3500/3400-3000/2900 BC [36.-P.51]. Еще более поздние даты (полученные по кости) приводят М. Шмит [57.-P.108], А.В. Николова [61.-С.104].

Ранний характер памятников восточного и поздний – западного ареала ямной КИО давно являлся в какой-то степени аксиомой в среде исследователей бронзового века. Поэтому одновременные датировки полярных регионов могут вызвать недоумение¹⁷. Обращает на себя внимание также синхронность дат раннеямных погребений Северо-Западного Причерноморья и датировок усатовской культуры [62; 63.-P.255-256; 54; 14; 27; 10]. Нет единой точки зрения и о соотношении двух культурных массивов. С одной стороны, предполагается их сосуществование и взаимосвязь, которые нашли отражение в материальной и духовной культуре [64.-С.102-103; 65.-С.113; 41.-С.42]. С другой стороны, фиксируется хронологический приоритет усатовской культуры [66.-С.93; 62]. В пользу последней концепции, казалось бы, свидетельствует тот факт, что данные перекрестной стратиграфии рассматриваемых культур отсутствуют¹⁸. На наш взгляд, этого все же недостаточно для того, чтобы признавать некорректность раннеямных дат Северо-Западного Причерноморья. Отметим, что классическая “ямная” поза (скорчено на спине) фиксируется как раз в ранней части усатовской культуры, в эпонимном Усатово [67.-С.90]. Ранние даты захоронений находят подтверждение и в особенностях погребальной обрядности ямных погребений региона. Помимо относительно ранних памятников, маркированных керамикой “репинского типа”, должны, видимо, существовать и синхронные безынвентарные захоронения (или сопровождающиеся другим инвентарем). Отметим, что появилась тенденция относить ямные захоронения со скорченными на спине костяками и восточной ориентировкой к энеолитическому времени ввиду их хронологического приоритета над аналогичными, но с западной ориентировкой [40]. При этом все же существуют данные обратной стратиграфии. Видимо, правы те исследователи, которые полагают, что погребения этой обрядовой группы не имеют прочной хронологической привязки, в их массе могут быть как энеолитические комплексы, так и объекты раннего бронзового века [68.-С.60].

Опубликованные недавно результаты раскопок энеолитического кургана 3 у с. Новая Долина Одесской области позволило авторам прийти к выводу о том, что скорченные на спине захоронения в курганах эпохи энеолита могут быть связующим звеном между новоданиловским горизонтом и архаическими проявлениями ямной культуры. В этом отношении на редкость наглядна стратиграфия памятника. Можно предположить и ранний возраст самого древнего из ямных погребений этого кургана [68.-С.58]. Сохранность конструктивных особенностей энеолитической насыпи позволяет предположить небольшой хронологический разрыв между энеолитическим и ямным горизонтами.

В курганах у сел Красное и Саратены (Республика Молдова) найдены деревянные столбовые конструкции, традиционно интерпретируемые как древнейшие энеолитические святилища [41.-С.37]. Такого рода культовые конструкции известны не только в Северо-Западном Причерноморье, но и в восточных регионах, вплоть до Урала. Их исследование с помощью методов археоастрономии позволили Т.М. Потемкиной прийти к выводу об определенной роли столбовых святилищ и в погребальном обряде носителей ямной культуры, использовавших в дальнейшем те же энеолитические курганы. Это может свидетельствовать об общности (или преемственности) мировоззрения ямных и энеолитических племен – строителей святилищ [69]. Последнее из найденных в Северо-Западном Причерноморье подобных культовых сооружений, из кургана 1 у с. Мокра (Республика Молдова), убедительно подтверждает этот тезис. Зафиксированный на поверхности второй насыпи ритуальный комплекс может быть связан, по мнению авторов, с одним из ямных захоронений. При этом в основных для 1-й и 2-й насыпей захоронениях прослежены следы от столбиков или кольев по периметру погребальной камеры (не известные в степном энеолите). Эта особенность, наряду с параметрами погребений, дала авторам основание относить их к ямной культуре. Ямным временем, скорее всего, следует датировать и столбовое святилище [70]¹⁹.

¹⁷ Хотя сосуды раннеямного облика известны и в Северо-Западном Причерноморье [44.-С.59; 88.-С.362] и в Побужье [50.-С.39].

¹⁸ Е.В. Яровой объясняет это определенными культовыми ограничениями, запретом усатовским племенам использовать иноплеменные сооружения [65.-С.113].

¹⁹ Благодарю М.Т. Кашубу за возможность ознакомиться с неопубликованными материалами.

Преимственность мировоззрений между носителями ямной культуры, с одной стороны, и энеолитическими и усатовскими племенами – с другой, проявляется не только в семантике святилищ, но и в других аспектах²⁰. Таким образом, близость мировоззренческих представлений (в некоторых случаях – особенности материальной культуры) ямных и энеолитических племен косвенным образом подтверждает возможность раннего существования ямных памятников на западе Причерноморских степей. Формирование единого “информационного поля” невозможно при значительном хронологическом разрыве между культурными группами. Своеобразным индикатором выступают погребения ямной культуры Балкан, где наблюдается соответствие абсолютных и релятивных дат. Так, памятники Северо-Восточной Фракии на основании синхронизации с другими культурами раннебронзового века Балкан датируются РБВ I-II, или 3300-2500 BC. В целом же ямная культура на Балканах существует со второй половины IV и в течение всего III тыс. до н.э. [38; 71]. Радиоуглеродные даты ямных памятников Румынии, Болгарии и Венгрии находятся приблизительно в том же хронологическом диапазоне – 3600-2450 BC [53].

Несмотря на значительное количество сторонников традиционной, “восточной”, концепции, на наш взгляд, вполне справедливы взгляды тех исследователей, которые видят местные, автохтонные корни того явления, которое принято называть ямной культурно-исторической областью. В последние годы на фоне изучения памятников энеолита становится ясно, что ямная культура как широкое явление могло быть изначально результатом трансформации локальных культур энеолитического периода [13.-С.85]. Ее следует рассматривать как мозаичный блок, где каждая группа на фоне типологических (временных и этнокультурных) различий имела свои традиции и судьбу [59]. Впрочем, и Н.Я. Мерперт, выделяя ямную КИО, отмечает, что уже сами размеры ее территории исключают возможность сколько-нибудь полного культурного единства. Ее историю он представляет как длительный, сложный и многообразный этап развития и взаимодействия ряда племенных групп, причем вопрос о происхождении каждой должен решаться особо [6.-С.125-128].

По мнению исследователей, с появлением в Причерноморских степях носителей ямной культуры связывается период культурной интеграции эпохи ранней бронзы, наиболее продолжительный и стабильный. Основой ее формирования были внутренние причины, которые привели к определенной унификации общеисторической картины [14.-С.308]. На месте позднеэнеолитической раздробленности появляется мощная этнокультурная общность (ямная КИО) с очень унифицированными чертами ритуала, общность, расселившаяся на огромной территории – от Приуралья на востоке до р. Тисы на западе. Эта общность отмечена расцветом курганного строительства, распространением колесного транспорта, строительством в Поднепровье укрепленных поселений. Материальная же культура по сравнению с энеолитическим временем характеризуется существенной деградацией [14.-С.295]²¹. Ю.Я. Рассамакин отдает предпочтение эколого-хозяйственной модели, согласно которой именно экологическая ситуация повлекла за собой не только хозяйственную, но и культурную трансформацию. При этом автор не исключает влияния внешних факторов, как с Востока, так и с Запада. Основные черты ямной культуры, по его мнению, не дают возможности утверждать последовательность и постепенность перехода от энеолита к раннему бронзовому веку. Этот переход фиксируется исследователем как исторический скачок, который трудно объяснить чисто археологическими данными. В силу определенных причин территориально ограниченные хозяйственные системы превратились в специализированные пастушеские системы бронзового века. В данной ситуации общность хозяйственного уклада могла определяться общей палеоэкологической ситуацией [91.-С.48-49].

Исследователи отмечают существование ямных племен на фоне суббореального периода голоцена. Он характеризуется похолоданием, уменьшением количества осадков, аридизацией

²⁰ Это касается антропо- и зооморфных закладов и стел в энеолитическом, усатовском, ямном погребальных обрядах. Использование последних в перекрытиях погребений было осознанным и целенаправленным, они представляли собой не “строительный материал” из разрушенных святилищ, а артефакты с высоким семиотическим статусом и определенной смысловой нагрузкой. Можно говорить о преимущественности определенных культов в духовной жизни степного населения энеолита-ранней бронзы.

климата, ксерофитизацией травяного покрова степей. Сокращаются площади долинных и байрачных лесов, разнотравно-злаковые степи сменяются злаковыми и полынно-злаковыми. Уменьшилась обводненность речных долин. Среднегодовое количество осадков было на 50 мм ниже современного уровня, что увеличивало угрозу засухи. По сравнению с атлантическим периодом продуктивность пастбищ снижается на 50-60%. Полагают, что в такой ситуации был закономерным переход первобытных скотоводов к более подвижным формам хозяйства. Ямное население заняло практически все свободные экологические ниши не только степи, но и лесостепи. Можно говорить о развитии у них отгонном типе животноводства с подвижно-оседлым способом жизни и сезонным выпасом стад на пастбище [14.-С.322, 324].

Но можно ли считать этот процесс скачком, учитывая, что мобильные племена, хозяйство которых имело уже специализированный скотоводческий характер, появляются в причерноморских степях в начале энеолитической эпохи? И в какой степени культурные изменения могли быть детерминированы климатическими условиями? К тому же ямная КИО являлась трансландшафтной, следовательно и климатические изменения в ней были различны. При сохранении общей тенденции процессы аридизации были неодновременны²². Поэтому на разных территориях формирование ямных памятников происходит в разных климатических условиях. К тому же в разной географической среде, как атлантический оптимум, так и суббореальная аридизация проявлялись по-разному²³.

На вторую половину атлантического периода (6000-4500 л.н., или около 4910/4805 – 3340/3100 лет до н.э. по калиброванным данным) приходится климатический оптимум. По данным палеопочвенных исследований время аридизации климата в степной зоне определяется между 4500 и 3500 л.н. (3340/3100 - 1880/1770 ВР) с максимумом аридизации между 4200 и 3700 л.н.(2880/2710 – 2135/2035 ВР). Максимальная аридизация в Приазовье и на Украине датируется временем около 3700 л.н. (2135-2035). В бассейне Дона аридизация климата стала ощущаться после 4200 л.н. (2880/2710 ВР), наибольшее усиление континентальности проявилось в период между 4200 и 3700 л.н (2880/2710 – 2135/2035 ВР) [72.-С.43-44]. Эти даты не совпадают с начальными датами ямных памятников в регионах.

П.П. Барынкин, рассматривая экологические процессы степного Поволжья и культурно-хозяйственные традиции этого региона в энеолите, приходит к выводу, что меньшая, чем в мезолите-неолите, пластичность экологической адаптации скотоводов-охотников (хвалынская культура) и скотоводов (ямная культура) имеет в своей основе большую степень их автономности от природно-средовых факторов²⁴. Негативные изменения в природной обстановке в течение некоторого времени могут смягчаться за счет культурно-хозяйственных ресурсов, а именно: более сложной внутренней и внешней коммуникацией и использованием более широких территорий. При кратковременных изменениях это позволяет поддерживать сложившийся уклад, но при длительных масштабных переменах неблагоприятного характера это влекло слом хозяйственного механизма, что можно назвать катастрофой. Чем более сложной внутренней и внешней коммуникацией культурного массива осуществлялась поддержка хозяйственных связей, тем более значимой была глубина социально-культурных перемен. В первую очередь, нарушение этих связей вызывало популяционные изменения, что вело к заметным переменам в культурном массиве (уменьшение занимаемой

²¹ Деграция при переходе к эпохе бронзы оказалась явлением стадияльным, отвечавшим общеисторической тенденции, когда на огромной территории от Кавказа до Балкан-Карпатского бассейна высокоразвитые энеолитические культуры сменяются менее яркими образованиями эпохи бронзы.

²² Отличалась и начальная дата раннебронзового века в некоторых ареалах ЦМП. В предкавказском ареале он датируется более ранним периодом, чем в других регионах ЦМП [53.-С.26]. Он определяется в основном в рамках второй четверти – середины IV тыс. до н.э. ВС и связан с появлением майкопско-новосвободненской общности [54].

²³ Так, атлантический оптимум в степной зоне Украины характеризуется теплым благоприятным климатом, в Предкавказье он жаркий и засушливый. Переход к суббореалу характеризуется в Предкавказье повышенной влажностью, в причерноморских степях – засушливостью [72]. В степном Поволжье за очередной аридизацией в эпоху ранней бронзы наблюдается период региональной оптимизации [73].

²⁴ Высокую адаптивность демонстрирует доминировавший в мезолите и неолите охотничий уклад.

площади, сегментация демографического массива и т.п.). Это принципиально изменяло генерирование черт культурного комплекса, проявляясь, в первую очередь, как его обеднение²⁵.

Реконструируемые хозяйственно-бытовые уклады как производные от ландшафтно-территориальных привязок культурных комплексов позволяют исследователю сделать важный вывод. Все хозяйственные и внутрикультурные трансформации происходят в пределах занятого ареала, ресурсы ландшафтов которого используются максимально, и снижение их продуктивности не может рассматриваться в качестве причин перемещения населения, тем более культурных массивов на другие территории, в иные ландшафты. Поводами к таким заметным перемещениям крупных социально-этнических групп, фиксируемых письменными источниками в более поздние периоды, всегда служат конкретные события, ставшие причинами подвижек, которым, как правило, не сопутствуют массовые материальные отражения. В традиционном анализе процессов более ранних, дописьменных периодов, как и в предлагаемом им обзоре, масштаб события недостижим в принципе. Тем более в качестве таких событий не могут рассматриваться природные изменения, в том числе и неблагоприятные, сколь бы быстрыми они ни представлялись современному исследователю. В случае нарастания неблагоприятных изменений ландшафтно-климатического характера первым следствием будет не перемещение населения, а процесс угнетения популяции (уменьшение численности, изменение связей и т.п.). Предположения об оттоках населения из какой-то части культурного ареала в другую допустимы, но маловероятны [73.-С.54-57].

Как производные от ландшафтно-географических привязок различными были и хозяйственно-экономические уклады внутри ямной КИО, к примеру, оседлый (или оседло-подвижный) в долине Днепра, в лесостепи, подвижный – в степях²⁶. Что касается волго-донских степей, В.П. Барынкин предполагает самостоятельный генезис уклада ранней бронзы, не связанный непосредственно с энеолитическим. Для степной зоны Украины, как уже отмечалось, предполагается трансформация локальных культур энеолитического периода [13.-С.85]²⁷. В то же время данные антропологии опровергают существование каких-либо масштабных миграций или перемещений, с которыми традиционно связывалось распространение ямной культуры на столь обширной территории [47].

Исследователи отмечают, что ландшафтно-климатические зоны и изменения, происходящие в них, являлись важнейшим экзогенным фактором. Они отражались на хозяйственной организации, определяя направленность и специфику социокультурных процессов. Так, в степном Поволжье за очередной аридизацией в эпоху ранней бронзы наблюдается период региональной оптимизации, условия которого характеризуются как наиболее благоприятные. Именно в этот период формируется новый хозяйственно-экономический уклад. Он представлен комплексом ямной культуры. Связи бытовых памятников Северного Прикаспия и погребальных памятников Саратовского и Волгоградского Заволжья отражают функционирование в юго-восточной части ареала единого социально-культурного массива ранней бронзы от Днепра до Волги. Отчетливая скотоводческая ориентированность хозяйственного уклада обеспечила интенсивность территориальных связей различных ландшафтных групп, донской (“репинский тип”) и волжской (или “ямный” тип). Особенность ландшафтно-климатических условий этого плювиала проявилась в отчетливом смещении ландшафтных зон к югу, то есть ямные северокаспийские памятники маркируют в степном Поволжье зону максимальной интенсивности социо-культурных и хозяйственных процессов носителей ямного комплекса. Этими причинами, в первую очередь, определена минимальная репрезентативность бытовых комплексов ямного типа в Поволжье севернее широты Саратова [73.-С.50, 55-56].

Сопоставление данных палеоэкологии разных регионов на фоне радиоуглеродных дат позволяет прийти к выводу, что ухудшение климата и общая палеоэкологическая ситуация не могли

²⁵ Автор отмечает, что вероятность фиксации уменьшения признаков в археологическом отражении крайне незначительна.

²⁶ Безусловно, в зависимости от экологических условий жизни существовали отличия в формах хозяйственной деятельности, в частности, разные виды животноводства, сочетание его с земледелием.

²⁷ С уже частично сложившемся в энеолите скотоводческим укладом хозяйства.

быть тем катализатором, который привел в действие механизм образования т.н. ямной культурно-исторической области²⁸.

Группы энеолитического населения на всей территории сформировавшейся впоследствии “ямной культурно-исторической области” придерживались разных погребальных традиций и довольно стойких канонов. Это свидетельствует не только об этнокультурных особенностях, но и о разнице в духовной культуре, мировосприятии отдельных племен. Унификация погребальной обрядности на огромной территории в эпоху ранней бронзы отразилась в археологических реалиях, что и привело к конструированию ямной культуры (области, общности). Этому способствовала и неразработанность самой концепции археологической культуры, о чем упоминалось в начале работы. Наблюдаемое в эпоху ранней бронзы определенное ритуальное единство указывает, прежде всего, на духовную общность населения.

Итак, ямная культурно-историческая область в различных регионах имеет разную подоснову, разные антропологические типы, различный хозяйственно-бытовой уклад, различную материальную культуру, разные векторы этнокультурных связей. Включаемые в нее элементы различны по своей сути. Она не может рассматриваться ни как целостный этнокультурный организм, ни как совокупность составляющих ее локальных вариантов. Ее структура на разных уровнях (материальная культура, этнические процессы, социальное устройство) несопоставима. В зависимости от смещения акцентов выделяются различные варианты или территориальные группы, не сводимые к общему знаменателю. Развивается она в разных географических зонах и различных климатических условиях.

Функционирование такого явления в единых рамках можно только на двух уровнях – либо политическом, либо мировоззренческом. Естественно, для данной исторической эпохи первый из уровней не выделяется.

На наш взгляд, единственным стержнем, объединившим данную область, явилась общность мировоззрения, религиозно-мифологических представлений²⁹. основополагающими при включении памятников в ямную КИО являются, прежде всего, признаки мировоззренческого уровня, отраженные в единообразии погребального ритуала. Черты материальной культуры на всей территории имеют резкие отличия. Эти положения заставляют нас усомниться в существовании ямной культуры как таковой, ямной культурно-исторической области или общности. В этом контексте вполне резонны выводы А.В. Николовой о том, что, несмотря на локальные различия, в массиве ямных погребений Украины проявляются одни и те же тенденции эволюции обряда [43].

Чтобы попытаться уяснить причины своеобразной “идеологической революции”, следует обратиться к более раннему времени и несколько расширить географический ареал.

Исследователи отмечают, что в эпоху энеолита этапы развития Причерноморья в значительной степени согласуются с развитием земледельческого мира Карпато-Балканской области и Триполья. Распад Трипольской культуры на заключительном этапе С II совпадает с сегментацией ряда степных культур на локальные формирования [91.-С.47]. Объяснить отчасти этот процесс, на наш взгляд, можно вхождением названных блоков археологических культур в состав Балкано-Карпатской металлургической провинции (БКМП), просуществовавшей в период с 58 по 38 вв. до н.э. В рамках ее Е.Н. Черных выделяет два ведущих блока. Первый из них, земледельческий, расположен на плодородных и богатых медными минералами землях Северных Балкан, Карпатского бассейна и Подунавья. Северо-восточной оконечностью основного блока провинции является культура Триполье-Кукутени³⁰. Второй блок – степные скотоводческие культуры Причерноморских степей,

²⁸ К тому же нельзя говорить о жесткой детерминизме между такими явлениями, как “ранний бронзовый век” и “суббореальный период голоцена”.

²⁹ Близость на других уровнях (материальной культуры, хозяйственно-экономических, социальных, этнических связей) носила локальный характер. Пожалуй, лишь “ямная общность” Северо-Западного Причерноморья, имеющая свою специфику и в качестве географического ареала (Географическая энциклопедия), и территориальной группы с определенными чертами материальной культуры и ритуала [43], отличающаяся этнической обособленностью [42], представляла собой единый этносоциальный организм [77].

³⁰ Триполье-Кукутени справедливо считают феноменом в кругу аграрных образований высокого потенциала Балкано-Средиземноморского региона. Оно находилось в окружении нескольких развитых культурно-исторических общностей: Карпато-Подунавья, Средней Европы и Центрального Пояса Евразийских степей. Контактное географическое положение, большая разветвленная речная магистраль, восточно-

Среднего и Нижнего Поволжья [53.-С.6, 21]. Период Триполья СІ датируется по-разному различными исследователями по шкале калиброванных дат: В.Г. Петренко [62]: 3580-3530 – 3245-3275 гг. до н.э.; М.К. Манту [63]: 3500-3200 гг. до н.э.; М.Ю. Видейко [29]: 3500-2750 гг. до н.э., т.е. более поздним временем, нежели хронологический интервал функционирования БКМП.

Это может объясняться тем фактом, что на “варварской периферии”, как правило, имели место процессы “запаздывания” становления и бытования сходного типа металлургического производства [53.-С.5]. Следовательно, мог запаздывать и процесс формирования, распада и трансформации входящих в провинцию культур.

Исследователи пишут о совершенно очевидном катастрофическом коллапсе энеолитических культур основной зоны Балкано-Карпатской металлургической провинции. Причины этого внезапного распада, полного отказа от технологических достижений этого круга сообществ пока неясны. Однако фиксируется 500-летний hiatus между распадом БКМП и формированием Циркумпонтийской металлургической провинции (ЦМП) [53.-С.21,30].

Полагают, что развитие этой новой металлургической провинции в ареале Причерноморских степей (33-22 вв. до н.э.) происходит на фоне новых археологических реалий, становлении новых общностей бронзового века, наиболее мощной из которых является ямная КИО³¹.

Следует упомянуть, что имеющиеся значительные серии радиоуглеродных датировок позволили исследователям сформулировать очень важную мысль: скорость формирования провинций и возникновения на весьма обширных пространствах родственных очагов металлургии и металлообработки была чрезвычайно велика. “Изучение технологии металлопроизводства недвусмысленно указывало на слабость основных положений старой диффузной теории. Технологические открытия из гипотетических центров распространялись не с постепенной медлительностью, но стремительным скачком. Именно поэтому формирование систем провинций на гигантских территориях нередко можно сравнивать с взрывом. После этих событий картина стабилизируется, а сама система порой как бы застывает или же медленно эволюционирует” [53.-С.30].

С этим положением созвучны и выводы Ю.Я. Рассасакина относительно “скачка” в становлении ямной КИО. Однако, на наш взгляд, существенным фактором в этом процессе явились не столько экологические трансформации, сколько последствия фатальных событий, охвативших БКМП. Унификация обряда, с одной стороны, и возрастание иррациональности в культуре (расцвет курганного строительства, распространение монументальных погребальных сооружений, антропоморфных стел, повозок) могли быть своеобразной реакцией человеческих коллективов на предшествующие события. По мнению Е.Н. Черных, ситуация после распада БКМП до известной степени напоминают ту, что сложилась в Евразии гораздо позднее – в средние столетия I тыс. н.э. Эпоха великого переселения народов оказалась трагической для необозримого множества культур; при этом разительно изменился характер большинства важнейших археологических памятников, уменьшилось число культур [53.-С.30].

По-видимому, в “темные века” (hiatus) зарождаются основы новых мифо-религиозных и мировоззренческих представлений, широкое распространение которых наблюдается уже на фоне Циркумпонтийской металлургической провинции. Они отличны от канонических энеолитических скотоводческих и земледельческих обществ³². Наметим пунктиром лишь некоторые из них; безусловно, это – тема, требующая специального исследования. Мелкая антропоморфная пластика сменяется монументальной скульптурой. Женский образ, связанный с плодородием, уступает место

карпатские перевалы, залежи соли, кремня способствовали высокому экономическому и социальному уровню развития трипольско-кукутенского общества. Создавались все условия для прогрессивного производящего хозяйства, для широких культурно-экономических и обменных связей с разнообразным населением окружающих культур и культурно-исторических общностей. Естественно, распад Триполья не мог не вызвать резонанс в окружающем его мире.

³¹ Отметим, что и усатовская культура включается исследователями в циркумпонтийский блок раннебронзового века [53.-С.66].

³² Ряд черт усвоен от земледельческих и от степных энеолитических скотоводческих обществ: курганная насыпь и каменное монументальное строительство [10.-С.36], поза погребенного, столбовые святилища, зооморфные образы (культ быка), охотничьи культы и т.п.

мужскому божеству, по одной версии – универсального, типа ведийского Пуруши [74], по другой – воплощающего функции воина, змееборца³³. Гипотеза В.Н. Даниленко, что на стелах ранней бронзы изображено божество Грозы [49], очень хорошо согласуется с изображением на стелах ямной культуры топоров. Топор как атрибут Громовика – убийцы Змея отражен индоевропейской традицией. На определенном этапе именно атрибут Громовика – топор – становится символом власти земного правителя [75]. Топор выступает атрибутом властителя и в ямном социуме Северо-Западного Причерноморья [76], а фрагменты топора занимают определенное место в ритуальной практике [77]. Формируются представления о космосе, о закономерности движения небесных светил, что отражено в появлении святилищ [78], ориентировке умерших, их круговом расположении в курганах [79]. В погребальном обряде появляются повозки с их многоплановой символикой. Кости животных, найденные в захоронениях, сопоставимы со стандартным набором жертвенных животных у индоевропейцев. Некоторые виды украшений и изделий связаны со скотоводческим и охотничьим культами [24]. И так далее³⁴.

И, наконец, наиболее выразительная черта – унификация, своеобразная стандартизация погребального ритуала.

Распространение, трансляция этих идеологических и мировоззренческих представлений, своего рода культурного текста, могут быть связаны с существованием определенных коммуникационных каналов. Таковые каналы (и “коридоры” реконструируются исследователями, к примеру, для степных культур Евразии скифского времени [80.-С.125-126]. Формирование трансформационной модели и ее распространение в рамках “коммуникационных каналов” может объяснить тот археологически фиксируемый “скачок”, с которым связывают появление ямной КИО. Под трансформационной моделью в семиотике понимают организованную совокупность действий в мифе, учитывающих исторические (т.е. диахронные) трансформации [81.-С.106]. Заметим, что в данном контексте речь, прежде всего, идет о понимании мифа как мировоззренческой схемы (а не словесного текста³⁵), как системы представлений о строении мира и т.п. [82.-С.215].

Вполне вероятно, что и распространение традиций, технологий и взаимосвязей, т.е. собственно говоря, формирование Циркумпонтийской металлургической провинции, происходило в рамках тех же коммуникационных коридоров. Так, пока неясно, почему именно в Днепро-Бугском междуречье ямные памятники появляются позже, чем на перифериях. Может быть, здесь долее всего продолжались сохраняться остатки прежних религиозных представлений и культов, связанных с земледельческим миром³⁶? В то же время создается впечатление, что этот регион позднее соседних интегрировался в систему ЦМП. По крайней мере, в нем наблюдается наименьшая концентрация металлических изделий, связанных с раннебронзовым веком³⁷. Это вполне увязывается с предположением о наличии коммуникационных каналов и трансформационных моделей. Трудно себе представить распространение исключительно новых технологий (“ноу-хау”) в отрыве от мировоззренческих систем древних обществ. С точки зрения рассматриваемой проблематики интерес представляют разыскания в области мифологических коннотаций древнейших ремесел и технологических процессов. Нерасчлененный характер ранних представлений, связывающих в

³³ Отнесение И.Л.Алексеевой некоторых антропоморфных стел (с “бусами”) к женским образам [44] не вполне правомерно, ибо украшения встречаются как в женских, так и мужских захоронениях [77].

³⁴ Внутри возникшей идеологической общности тем не менее можно заметить свои особенности, разные “акценты” в разных ее регионах. Так, от Дона до Волги нет изображения человека в камне и каменного монументального строительства. В Днепро-Бугском междуречье сконцентрировано около 65% всех каменных антропоморфных стел, найденных на территории от Дона до Дуная [15]. Молоточковидные булавки, связанные также с определенными культами, почти не известны к западу от Южного Буга, но широко распространены в Приазовье.

³⁵ Словесный текст является лишь частным случаем реализации модели мира [82].

³⁶ В позднеэнеолитическую эпоху в Днепро-Бугском междуречье складывается специфический конгломерат из групп населения, различных по происхождению и культуре, который не составил в итоге новой общности. Характерной особенностью Днепро-Бугской группы являются антропоморфные статуэтки типа найденных в погребениях у Серезлиевки и Ермолаевки. Мелкую антропоморфную пластику в степных культурах объясняют влиянием земледельческого мира [14.-С.290].

³⁷ Благодарим с.н.с. Института археологии НАН Украины Л.А.Черных за предоставленную информацию о распределении металла в ямной культуре Украины.

единую систему самые разнородные явления и процессы, был обнаружен при изучении разных фрагментов этой системы с точки зрения семиотики. Технологические процессы входили в общую космологическую схему. Общеизвестен, к примеру, особый статус кузнецов и металлургов в традиционных обществах. Поэтому вполне логично, на наш взгляд, увязывать распространение новых мировоззренческих представлений с новыми технологическими приемами в сфере металлургии.

И, возможно, как отражение окончательного утверждения новых идеологических канонов (в противовес предшествующим), в ямное время именно в этом ареале концентрируется 2/3 из найденных от Дона до Дуная антропоморфных изваяний.

Е.Н. Черных, Л.И. Авилова, Л.Б. Орловская отмечают, что из результатов обработки полной коллекции ЦМП можно определить совокупный период ее существования с 33 по 22 вв. до н.э. Однако авторы посчитали целесообразным принять более широкий диапазон – с 33 по 20/19 вв. до н.э.³⁸ Характерно, что финальный период существования ямных памятников в целом, судя по опубликованным радиоуглеродным датам, совпадает с финалом ЦМП, (22-21 вв. до н.э., с единичными датами по отдельным регионам 20-19 вв. до н.э.).

Итак, анализ основных компонентов ямной КИО показывает, что лишь общность мировоззрения и религиозно-мифологических представлений объединяет население раннебронзовой эпохи, проживающее на огромной территории. Отражившись в археологических реалиях как единство, унификация погребальной обрядности, “новая идеология” стала основой для выделения культуры или культурной области, таковой не являющейся. Эти мировоззренческие представления формируются и начинают распространяться в кризисный период, последовавший за распадом БКМП. Последствия кризиса проявились не только в ареале провинции, но далеко за ее пределами, на огромной территории от Дуная до Урала. В дальнейшем, с угасанием теперь уже ЦМП, меняются и религиозно-мифологические представления скотоводческого мира Степи, что вновь находит свое отражение в погребальных ритуалах. Е.Н. Черных отмечает стабильное существование культур в рамках ЦМП в период раннебронзового века. При переходе к среднему бронзовому веку в степи и лесостепи имеет место плавная трансформация культур; о резком сломе можно говорить для Кавказа и более южных районов.

С этими положениями вполне соотносятся наблюдения исследователей об образовании катакомбной культурно-исторической области в ареале ямной общности под воздействием импульса с Северного Кавказа. Более того, на наш взгляд, именно специфика катакомбной культуры подтверждает нашу гипотезу о существовании “ямной идеологической общности” племен, отражении в их ритуале “первой мировой религии” на фоне отсутствия единства культур. Катакомба является настолько специфической формой погребального сооружения, что (несмотря на имеющиеся попытки), объяснить ее возникновение эволюцией могильных ям предшествующих эпох, на наш взгляд, не представляется возможным³⁹. Изменяется тип погребального сооружения, материальная же культура остается определенное время “ямной” (с сохранением отличий по регионам), не изменяется и антропологический тип населения⁴⁰. Универсальной вехой размежевания эпох становится катакомба как ведущая форма погребального сооружения. Изменение погребального ритуала сигнализирует нам о кардинальном нарушении системы идеологических парадигм.

³⁸ Заметим, что этот хронологический период включает в себя как ранний, так и средний бронзовый век ЦМП. Ямные памятники традиционно включаются в раннебронзовый период. Однако имеется точка зрения о развитии ямной культуры и в период средней бронзы. В частности, в Волго-Уральском регионе Н.Л. Моргунова определяет культурное содержание периода СБВ как ямное на поздней, заключительной стадии развития [34.-С.112]. В целом даты, соотносимые с эпохой средней бронзы ЦМП, имеются во всем ямном ареале. Исследователи отмечают взаимное перекрытие обоих последовательных периодов приблизительно в три сотни лет (с 28 по 25 вв до н.э.), что отражает проблему трудности разграничения культур, памятников и отдельных компонентов РБВ и СБВ в единой системе [53.-С.29].

³⁹ Катакомба как тип могильной ямы известна в раннем энеолите, но генетическая связь между этими разновременными сооружениями проблематична.

⁴⁰ Он меняется лишь с приходом новых групп населения с калмыцких степей; формируются катакомбные культуры второго поколения – донецкая, ингульская [47].

Символика могилы шире своего функционального назначения, в ней отражены и космогонические представления. Существует точка зрения, что структура могилы сопоставима с воззрениями на строение мира. При этом полусферические потолки камер (катакомбы) соответствуют представлениям о небесной сфере, а плоские перекрытия могил – о небе как плоской крыше на опорах. С другой стороны, исследователи полагают, что в ямной культуре отражена горизонтальная модель мирового дерева. Обряды же катакомбных племен связаны с трехчленной вертикальной пространственной организацией, что подтверждается планировкой катакомбы [31].

Исследователи отмечают, что в каждом конкретном регионе после появления раннекатакомбных памятников, ямные исчезают. Причем начало этого процесса на отдельных территориях не совпадает. Многочисленные параллели в погребальном обряде позднеямных и катакомбных погребений и в сопровождающем инвентаре свидетельствуют об определенных отношениях между носителями ямной и катакомбной культур. Эти положения подтверждаются и радиоуглеродными датами [55; 56; 61]. Таким образом, становление катакомбной КИО представляется прежде всего как смена религиозно-мифологических представлений, выразившихся наиболее ярко в появлении нового типа погребального сооружения, отказе от курганного строительства, распространении новых обрядовых канонов (таких как, к примеру, посмертная моделировка черепа, мумификация тел умерших и т.п.). И лишь на фоне изменения мировоззренческих установок начинает меняться материальная культура, происходит становление катакомбной культурно-исторической области (с образованием культур, локальных вариантов и т.п.). Отмечается и возрождение позднеямных традиций в катакомбном погребальном обряде, к примеру, у носителей донецкой культуры.

Противоположную ситуацию мы наблюдаем в Степном Поволжье, при рассмотрении полтавkinской культуры эпохи средней бронзы⁴¹. Ее погребальные памятники указывают на то, что при переходе к среднебронзовому веку в ямном ареале региона, в первую очередь, меняется материальная культура, но остаются прежними религиозно-культурные установки. Этот момент, видимо, и послужил основой споров о сущности полтавkinской культуры и ее месте в бронзовом веке Волго-Уральского междуречья⁴². На наш взгляд, эта ситуация демонстрирует сохранение прежних, ямных, мировоззренческих представлений в новом образовании - полтавkinской культуре. В чем-то близка ситуация с новотиторской культурой, возникшей, как полагают, на основе ямного и новосвободненского компонентов. Исследователям порой трудно разграничить ее памятники и памятники ямной культуры Прикубанья ввиду единства мировоззренческих представлений и сходства погребального ритуала⁴³.

Наиболее сложная ситуация с культурой многоваликовой керамики. Она занимает стратиграфическую позицию после катакомбных культур. Отсутствие унифицированного погребального обряда характерно для многих культур переходного периода. В.А. Трифонов датирует памятники КМК в диапазоне 22-18 вв. до н.э. [54.-С.80]. Фактически это время финала ЦМП, развала провинции, деструкции отдельных культур и массовых миграций [83.-С.45]. КМК “впитывает” в себя и мировоззренческие установки, и черты материальной культуры предшествующих и синхронных образований, порой в неожиданных соотношениях⁴⁴. Ситуация настолько сложна, что культура не в

⁴¹ Исследователи отмечают синхронность полтавkinской и катакомбной культур [89.-С.31].

⁴² Так, одни исследователи полагают, что на рубеже ранней и средней бронзы в Волго-Уральском междуречье возникает особая полтавkinская культура. Появление полтавkinской керамики, типологически близкой к ямной, но отличной от нее по многим признакам, и, прежде всего, плоскодонностью знаменует начало новой культуры. От ямной культуры унаследованы некоторые позы погребенного, их ориентировка (“сквозные обрядовые группы”). Погребальный обряд ямных и полтавkinских комплексов демонстрирует их сходство и различие. Согласно другой точке зрения, раннеполтавkinские памятники относятся к поздней фазе ямной культуры [34.-С.11].

⁴³ Резко отличается распределение по культурам всего массива прикубанских памятников у В.А. Трифонова и А.Н. Гея.

⁴⁴ В памятниках Северо-Западного Причерноморья есть в ней и ямные черты, причем они даже более рельефны, чем катакомбные.

состоянии переработать все компоненты, соединить их в гармоничное целое – ни в плане мировоззрения, ни в плане материальной культуры⁴⁵.

Таким образом, рассмотрение памятников ямной КИО (и некоторых других культур ранней и средней бронзы) позволил нам прийти к выводу об отсутствии в историческом аспекте такого явления, как ямная культура (область, общность). Этот феномен получил свое определение ввиду неразработанности понятия “археологическая культура”. Можно предположить, что черты, позволившие исследователям обосновать выделение культуры, на самом деле отражают общность мифо-религиозных и мировоззренческих представлений различных культурных образований (культур? групп?). Возникновение новой “идеологии” явилось отражением культурного коллапса эпохи энеолита, последовавшего за распадом БКМП, “защитной” реакцией социумов на него. Ее развитие укладывается в рамки существования ЦМП. Сопоставление датировок памятников различных территорий на фоне климатических изменений позволяет усомниться в той роли палеоэкологической ситуации, которая отводилась ей ранее. Отличие климатических условий в ареале, закрепленном за ямной КИО, разное время протекание процессов аридизации, несовпадение их пиков с предполагаемыми изменениями в хозяйстве указывает на роль климата в складывании хозяйственно-экономических укладов, развитии культур и культурных связей, но не в формировании ямной КИО как таковой.

Новое мировоззрение в дальнейшем сменяется другим (катакомбным) в одних регионах, продолжает сохраняться полностью или частично – в других (новотиторовская полтавкинская культуры, отчасти – КМК). Оно угасает к финалу среднебронзового века и распаду ЦМП.

Автор осознает гипотетичность предлагаемой концепции, тем не менее, именно она позволяет найти объяснение многим противоречиям, имевшим место в реконструкции исторического процесса эпохи ранней бронзы в Причерноморских степях.

Источники и литература

1. Захарук Ю.Н. К вопросу о предмете и процедуре археологического исследования // Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. – Л., 1975.
2. Клейн Л.С. Археологические источники. – Л., 1978.
3. Смирнов С.В. Археологічна культура: суперечливі моменти розробки проблеми // Археологія. – 2003. – № 1.
4. Сафронов В.А. Индоевропейские прародины. Горький, 1989.
5. Мерперт Н.Я. Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы: Автореф. дис... докт. истор. наук. – М., 1968.
6. Мерперт Н.Я. Древнейшие скотоводы Волго-Уральского междуречья. – М., 1974.
7. Gimbutas M. The Prehistory of Eastern Europe. Bulletin the American School of Prehistorica Research. – Harvard University, 1956.
8. Васильев И.Б. Энеолит Поволжья: Степь и лесостепь. – Куйбышев, 1981.
9. Дремов И.И., Юдин А.И. Древнейшие подкурганые захоронения степного Заволжья // РА. – 1992. – № 4.
10. Рассамкин Ю.Я. Проблема периодизации энеолитических памятников Поволжья, Подонья, и северного Причерноморья на примере развития “скелянской” погребальной традиции // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология, периодизация. – Самара, 2001.
11. Турецкий М.А. О периодизации и хронологии ямных памятников Самарского Поволжья // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология, периодизация. – Самара, 2001.
12. Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Турецкий М.А. Ямная и полтавкинская культуры // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. – Самара, 2000.
13. Рассамкин Ю.Я., Евдокимов Г.Л. Новый энеолитический могильник на р. Ингулец и проблема выделения “постстоговских” погребений // Донецкий археологический альманах. – 2001. – №1.
14. Рассамкин Ю.Я. Світ скотарів // Давня історія України. – К., 1997. – Т. 1.
15. Ричков М.О. Населення ямної культури степової України. – К., 1994.
16. Кузнецов П.Ф. Кавказский очаг и культуры бронзового века Волго-Уралья // Между Азией и Европой. – Санкт-Петербург, 1996.
17. Хохлов А.А. О специфике антропологического типа населения Южного Приуралья в эпоху ранней и средней бронзы // Чтения, посвященные 100-летию деятельности В.А. Городцова в ГИМ. – Москва, 2003.
18. Шевченко А.В. Антропология населения Южнорусских степей // Антропология современного и древнего населения европейской части СССР. – М., 1986.

⁴⁵ С.С. Березанская даже высказывает предположение о том, что КМК представляет собой не археологическую культуру, а керамическую моду или стиль.

19. Дяченко В.Д., Шилов Ю.А., Довженко Н.Д. Основные этнические группировки древней Юго-Восточной Европы // *Античная Балканистика* 6. – Москва, 1988.
20. Трубачев О.Н. Рец. на: В.А.Сафронов. Индоевропейские прародины. Горький, 1989 // Там же.
21. Синюк А.Т. Бассейны верхнего и среднего Дона в эпоху энеолита // *Археология Восточноевропейской лесостепи*. – Воронеж, 1999.
22. Санжаров С.Н., Бритюк А.А., Котова Н.С., Черных Е.А. Поселения неолита-ранней бронзы Северского Донца. – Луганск, 2000.
23. Константінеску Л.Ф. Ранньоямні поховання північно-східного Подоння // *Археологія*. – 1984. – Вип. 45.
24. Ковалева И.Ф. Север степного Поднепровья в энеолите-бронзовом веке. – Днепропетровск, 1984.
25. Марина З.П. Этноисторическая ситуация в Днепровском Левобережном Предстепье: энеолит-бронзовый век // *Етнічна історія та культура населення степу та лісостепу Євразії (від кам'яного віку по раннє середньовіччя)*. – Дніпропетровськ, 1999.
26. Шапошникова О. Г. Ямная культурно-историческая общность // *Археологія Української ССР*. – К., 1985. – Т. 1.
27. Рассамкин Ю.Я. Степная культовая монументальная скульптура: в поисках истоков традиции // *Етнічна історія та культура населення степу та лісостепу Євразії (від кам'яного віку по раннє середньовіччя)*. – Дніпропетровськ, 1999.
28. Спицына Л.А. Северско-донецкий ареал репинской культуры // *Древности Северского Донца*. – Луганск, 2000. – Вып. 4.
29. Videiko M. Radiocarbon dating chronology of the late Tripolye culture // *The foundation of radiocarbon chronology of cultures between the Vistula and Dnieper: 3150-1850. Baltic-Pontic Studies*. – 1999. – Vol. 7.
30. Марина З.П. К вопросу о восточных элементах в ямной культуре левобережной Украины // *Проблемы археологии Евразии*. – М., 2002.
31. Дремов И.И. Материалы к вопросу о взаимодействии и смене культур конца средней – начала поздней бронзы в Степном Поволжье // *Абашевская КИО в системе древностей эпохи бронзы степи и лесостепи Евразии*. – Тамбов, 1998.
32. Манько В.А., Телиженко С.А. Проблемы абсолютной хронологии мезолита-энеолита Подонечья // *Материалы и исследования по археологии Восточной Украины*. – Луганск, 2003.
33. Kovalyukh N., Nazarov S. Radiocarbon dating calibration in archeological studies. The foundation of radiocarbon chronology of cultures between the Vistula and Dnieper: 3150-1850 // *Baltic-Pontic Studies*. – 1999. – Vol. 7.
34. Моргунова Н.Л. Проблемы изучения ямной культуры Южного Приуралья // *Проблемы археологии Евразии*. – М., 2002.
35. Мерперт Н.Я. Циркумпонтийская зона в раннем бронзовом веке: вопросы культурных контактов // *Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии*. – Тбилиси, 1987.
36. Rassamakin Yu. Aspects of Pontic Steppe Development (4550-3000 BC) in Light of the New Cultural-chronological Model // *Ancient interactions: east and west in Eurasia*. – Mc Donald Institute Archaeological Research. – 2003.
37. Збенович В.Г. Место Трипольской культуры в энеолите Причерноморья // *Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии*. – Тбилиси, 1987.
38. Николова Л. Ямная культура на Балканах (Динамика структуры погребального обряда и соотношение с другими культурами ранней бронзы) // *Stratum plus*. – 2000. – № 2.
39. Титов В. С. К изучению миграций бронзового века // *Археология Старого и Нового Света*. – М., 1982.
40. Яровой Е.В. О культурной принадлежности основных курганных погребений с восточной ориентировкой // *Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V в. н.э.)*. – Тирасполь, 1994.
41. Яровой Е.В. Скотоводческое население Северо-Западного Причерноморья эпохи раннего металла: Автореф. дисс... докт. истор. наук. – М., 2000.
42. Рычков Н.А. Этническая характеристика населения ямной культуры Северного Причерноморья: Автореф. дис... канд. истор. наук. – К., 1990.
43. Николова А.В. Хронологическая классификация памятников ямной культуры степной зоны Украины: Автореф. дис... канд. истор. наук. – К., 1992.
44. Алексеева И.Л. Курганы эпохи палеометалла в Северо-Западном Причерноморье. – К., 1992.
45. Дергачев В.А. Два этюда в защиту миграционной концепции // *Stratum plus*. – 2000. – № 2.
46. Levitki O, Manzura O., Demcenko T. Necropola tumulara de la Sarateny. – Bucuresty, 1996.
47. Круц С.І. Антропологічний склад населення // *Давня історія України*. – К., 1997. – Т. 1.
48. Шевченко А.В. О происхождении населения бронзового века юга Восточной Европы (по палеоантропологическим данным) // *Археология восточно-европейской лесостепи*. – Саратов, 1989.
49. Даниленко В.Н. Энеолит Украины. – К., 1974.
50. Шапошникова О.Г., Фоменко В. Н., Довженко Н. Д. Ямная культурно-историческая область (южнобугский вариант). – К., 1986.
51. Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ. – Л., 1976.
52. Ніколова А.В., Мамчич Т.І. До методики класифікації посуду ямної культури // *Археологія*. – 1997. – № 3.
53. Черных Е.Н., Авилова Л.И., Орловская Л.Б. Металлургические провинции и радиоуглеродная хронология. – М., 2000.
54. Трифонов В.А. Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита-средней бронзы Кавказа, степной и лесостепной зон Восточной Европы // *Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культуры, хронология, периодизация*. – Самара, 2001.

55. Nicolova A. Radiocarbon Dating of Graves of the Yamnaya and Catacomb Cultures on the Dnieper right bank // The Foundation of Radiocarbon Chronology of Cultures Between the Vistula and Dnieper: 3150-1850 BC. Baltic-Pontic Studies. – 1999.- Vol. 7.
56. Nikolova A. Radiocarbon Dating from the Graves of Yamnaya Culture at the Ingulets river (the Kirovograd Region) // The Foundations of Radiocarbon Chronology of Cultures Between the Vistula and Dnieper: 3150-1850 BC. Baltic-Pontic Studies. – 1999. – Vol. 7.
57. Szmyt M. Between West and East. People of the globular Amphora Culture in Eastern Europe: 2950-2350 BC // Baltic-Pontic Studies. – 1999. – Vol. 8.
58. Александровский А.Л., Чичагова О.А., Пустовойтов К.Е., Шишлина Н.И. Методика и методология радиоуглеродных исследований археологических объектов степных регионов России // Степь и Кавказ. – М., 1997.
59. Шишлина Н.И., Александровский А.Л., Чичагова О.А., ван дер Плихт Й. Хронологическая позиция ямной культуры Северо-Западного Прикаспия // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология, периодизация. – Самара, 2001.
60. Шишлина Н.И., Чичагова О.А., Зазовская Э.П., Й. Ван дер Плихт. Радиоуглеродная хронология майкопских памятников Южных Ергеней // Чтения, посвященные 100-летию деятельности В.А. Городцова в ГИМ. – М., 2003.
61. Николова А.В. Хронология ямной и катакомбной культуры степной Украины: некоторые вопросы датировки методом ¹⁴C // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология, периодизация. – Самара, 2001.
62. Петренко В. Г. Усатовская локальная группа // Памятники трипольской культуры в Северо-Западном Причерноморье. – К., 1989.
63. Mantu M. Cultura Cucuteni. – Piatra-Neamt, 1998.
64. Збеневич В. Г Познетрипольские племена Северо-Западного Причерноморья. – К., 1974.
65. Яровой Е.В. Древнейшие скотоводческие племена юго-запада СССР (классификация погребального обряда). – Кишинев, 1985.
66. Шмаглий Н.М., Черняков И.Т. Исследования курганов в степной части междуречья Дуная и Днестра // Курганы степной части междуречья Дуная и Днестра. Материалы по археологии Северного Причерноморья. – Одесса, 1970. – Вып. 6
67. Патокова Э.Ф. Усатовское поселение и могильники. – К., 1979.
68. Петренко В.Г., Островерхов А.С., Сапожников И.В. Новый курган энеолита-бронзы в Нижнем Поднепровье // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. – Запоріжжя, 2002.
69. Потемкина Т.М. Особенности структуры сакрального пространства энеолитических курганов со столбовыми конструкциями (по материалам Северного Причерноморья) // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. – М.: в печати
70. Кашуба М.Т., Курчатов С.И., Щербак Т.А. Кочевники на западной границе великой Степи (по материалам курганов у с. Мокра). В печати.
71. Nikolova L. The Balkans in Later Prehistory. Periodization, Chronology and Cultural Development in the Final Copper and Early Bronze Age (Fourth and Third Millenia BC). BAR International Series 791. BAR. Oxford, 1999.
72. Кременецкий К.В. Природная обстановка голоцена на Нижнем Дону и в Калмыкии // Степи и Кавказ (культурные традиции) // Труды ГИМ. – М., 1997. – Вып. 97.
73. Барынкин П.П. Культурно-хозяйственная традиция и экологические процессы степного Поволжья в период 10-5 тыс. лет назад // Вопросы археологии Поволжья. – Вып. 2. – Самара, 2002.
74. Чмыхов Н.А., Довженко Н.Д. О древнейшем индоиранском компоненте в сложении скифской монументальной скульптуры // Древнейшие скотоводы степей юга Украины.– К., 1987.
75. Полідович Ю. Б., Циміданов В. В. Кам'яна сокира в пам'ятках зрубної культурно-історичної спільноти // Археологія. – 1995. – № 2.
76. Иванова С. В., Цимиданов В.В. Погребения с топорами в ямной культуре Северо-Западного Причерноморья // Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету. – Запоріжжя, 1998. – Вип. IV.
77. Иванова С.В. Социальный строй населения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. – Одесса, 2001.
78. Потемкина Т.М. Структура сакрального пространства ранних энеолитических курганов (к постановке вопроса) // Северное Причерноморье: от энеолита до античности. – Тирасполь, 2002.
79. Дворянинов С.А., Петренко В.Г., Рычков Н.А. К изучению ориентировки ямных погребений // Древности Северо-Западного Причерноморья. – К., 1981.
80. Кузин-Лосев В.И. О возможности существования трансформационных моделей в скифо-сибирском культурном мире // Етнічна історія та культура населення степу та лісостепу Євразії (від кам'яного віку по ранні середньовіччя). – Дніпропетровськ, 1999.
81. Греймас А. В поисках трансформационных моделей // Зарубежные исследования по семиотике фольклора. – М., 1985.
82. Байбурин А.К. Семиотический статус вещей и мифология // Материальная культура и мифология. Сборник музея антропологии и этнографии. – М.; Л.: Наука, 1981. – Вып. XXXVII.
83. Черных Е.Н. Циркумпонтийская провинция и древнейшие индоевропейцы // Древний Восток. Этнокультурные связи. – М., 1988.
84. Петренко В.Г. Об относительной хронологии усатовской культуры // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – Vв. н.э.). – К., 1991.
85. Синюк А.Т. Репинская культура эпохи энеолита-бронзы в бассейне Дона // Советская археология. – 1980. – № 4.

86. Тодорова Х. Каменно-медната епоха в България (V хилядолетие преди новата ера). – София, 1986.
87. Чичагова О.А., Александровский А.Л., Анисимова М.А., Шишлина Н.И. Результаты радиоуглеродного анализа курганных погребений эпохи бронзы могильника Манджикены-1 // Могильник Манджикены-1 – памятник эпохи бронзы – раннего железного века Калмыкии. – М., 1999.
88. Субботин Л.В. Северо-Западное Причерноморье в эпоху ранней и средней бронзы // Stratum plus. – 2000. – № 2.
89. Кузнецов П.Ф. О хронологической позиции погребений с заплечиками Южного Урала // Археологические памятники Оренбуржья. – 2000. – Вып. 4.
90. Телегин Д.Я. Середньостогівська культура епохи міді. – К., 1973.
91. Рассмакин Ю.Я. Поздний энеолит – ранний бронзовый век Степного Причерноморья: проблема “скачка” в развитии древних скотоводов // Конвергенция и дивергенция в развитии культур энеолита-бронзы средней и восточной Европы. – СПб, 1995

SUMMARY

The article is devoted of origin of the “Pit Grave culture”. The considerable differences in material culture of local versions and groups indicate that the basic for unity of it’s area is a common world outlook. The radiocarbon dates allow assuming its rather simultaneous and early formation in crisis` period of European history. The catastrophic collapse of the Chaleolithic cultures was connected with disintergration of Carpatho-Balkan metallurgical province. We might point to a five century-long chronological hiatus between thin province and the next, Circumpontic metallurgical province. In this period a new world outlook, was forming and it was called the Pit Grave Culture.

Приложение

БАЛКАНЫ

Материал: дерево

№	Адрес	Лаб. №	ВР	ВС 68%	Источники
1	Vaia-Hamangia п.1	GrN-1995	4530 ± 65	3360-3100	Черных и др., 2000
2	Плачидол, к.2, кострище	Bln-2504	4380 ± 60	3100-2920	Черных и др., 2000
3	Baranhat	Bln-2219	4320 ± 50	3040-2890	Черных и др., 2000
4	Ketegyhaza	Bln-609	4265 ± 80	3030-2660	Черных и др., 2000
5	Плачидол, к.2, насыпь	Bln- 2502	4260 ± 60	3020-2700	Черных и др., 2000
6	Поручик Гешаново 1/3	Bln-3302	4260 ± 50	3040-2920	Черных и др., 2000
7	Плачидол 1/1	Bln-2501	4170 ± 50	2890-2620	Черных и др., 2000
8	Поручик Гешаново 1/4	Bln-3303	4110 ± 50	2870-2600	Черных и др., 2000
9	Vaia-Hamangia п.1	Bln-29	4090 ± 160	2890-2100	Черных и др., 2000
10	Поручик Гешаново 1/1	Bln-3301	4080 ± 50	2870-2510	Черных и др., 2000
11	Vaia-Hamangia п.1	KN-38	4060 ± 160	2890-2450	Черных и др., 2000

СЕВЕРО-ЗАПАДНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Материал: дерево

№	Адрес	Лаб. №	ВР	ВС 68%	Источники
1	Утконосовка 1/3	Ки-660	4770 ± 120	3700-3370	Черных и др., 2000
2	Новоселица 20/9	Ки-1713	4750 ± 80	3540-3370	Черных и др., 2000
3	Семеновка 14/2	Ки-2126	4600 ± 90	3510-3100	Черных и др., 2000
4	Маяки-82, 1/9	Ле-2328	4580 ± 40	3500-3120	Субботин, 2000
5	Петрешты 1/8	Лу-2472	4530 ± 50	3360-3100	Яровой, 2000
6	Новоселица 19/7	Ки-1219	4490 ± 70	3370-2920	Черных и др., 2000
7	Лиман 2/2	Ки-2394	4490 ± 90	3350-3030	Субботин, 2000
8	Саратены 1/4	Лу-2476	4480 ± 50	3340-3040	Яровой, 2000

9	Семеновка 11/6	Ки-1758	4380 ± 50	3090-2920	Черных и др., 2000
10	Саратены 1/5	Лу-2459	4360 ± 30	3020-2910	Яровой, 2000
11	Курчи 20/16	КИГН-634	4660 ± 10	31-28 вв	Иванова, 1991
12	Курчи 20/16	КИГН-636	4380 ± 45		Иванова, 1991
13	Курчи 20/16	УВ-3135	4290 ± 60		Мэллори, Телегин, 1994
14	Курчи 20/16	Ки-3136	4204 ± 19		Мэллори, Телегин, 1994
15	Курчи 20/16	КИГН-635	4080 ± 45		Иванова, 1991
16	Новоселица 20/8	Ки-7086	4235 ± 55	2897-2709	Назаров, Ковалюх, 1999
17	Вишневое 17/38	Ки-1711	4250 ± 80	3030-2660	Черных и др., 2000
18	Вишневое 17/38	Ки-7126	4105 ± 65	2860-2500	Kovalyukh, Nazarov, 1999
19	Новоселица 19/16	Ки-7080	4205 ± 55	2884-2699	Назаров, Ковалюх, 1999
22	Новоселица 19/19	Ки-7127	4055 ± 60	2832-2474	Kovalyukh, Nazarov, 1999
20	Новоселица 19/19	Ки-7085	4180 ± 60	2881-2625	Назаров, Ковалюх, 1999
21	Вишневое 17/17	Ки-7078	4180 ± 60	2881-2625	Назаров, Ковалюх, 1999
23	Семеновка 11/7	Ки-7088	4130 ± 65	2875-2579	Назаров, Ковалюх, 1999
24	Огородное, 1/14	Ле-2323	3970 ± 40	2570-2400	Субботин, 2000
25	Вишневое 17/4	Ки-1217	3950 ± 90	2590-2310	Черных и др., 2000
25	Затока 1/14	Ки-6817	3920 ± 45	2470-2330	Szmyt, 1999
27	Затока 1/13	Ки-6816	3865 ± 50	2430-2250	Szmyt, 1999
28	Затока 1/17	Ки-6818	3840 ± 65	2410-2200	Szmyt, 1999
29	Новоселица 19/11	Ки-1220	3770 ± 60	2310-2130	Черных и др., 2000
30	Нагорное 15/10	Ле-2322	3790 ± 40	2290-2140	Субботин, 2000
31	Затока 1/22	Ки-6821	3775 ± 60	2310-2100	Szmyt, 1999
32	Вишневое 17/36	Ки-1424	3750 ± 60	2290-2040	Черных и др., 2000
33	Затока 1/21	Ки-6820	3760 ± 45	2260-2090	Szmyt, 1999

Материал: кость

№	Адрес	Лаб. №	ВР	ВС 68%	Источники
1	Затока 1/17	Ки-6819	3865 ± 60	2430-2240	Szmyt, 1999
2	Затока 1/22	Ки-6822	3810 ± 55	2370-2170	Szmyt, 1999

МЕЖДУРЕЧЬЕ БУГА И ИНГУЛА

Материал: дерево

№	Адрес	Лаб. №	ВР	ВС 68%	Источники
1	Христофоровка 1/1	Ки-578	4170 ± 170	3050-2450	Черных и др., 2000
2	Новая Одесса 1/1	Мо-67	4220 ± 50	2920-2700	Черных и др., 2000
3	Отрядный 26/9	Ки-478	3990 ± 100	2900-2350	Черных и др., 2000
4	Христофоровка 1/11	Ки-549	3980 ± 200	2900-2200	Черных и др., 2000

5	Отрядный 1/22	Ки-100/3	3920 ± 110	2580-2270	Черных и др., 2000
6	Отрядный 1/17	Ки-431	3890 ± 105	2570-2200	Черных и др., 2000
7	Отрядный 24/1	Ки-470	3870 ± 105	2500-2200	Черных и др., 2000
8	Отрядный 26/9	Ки-7069	3920 ± 60	2470-2306	Назаров, Ковалюх, 1999
9	Отрядный 1/21	Ки-452	3830 ± 120	2470-2130	Черных и др., 2000
10	Отрядный 1/21	Ки-7070	3890 ± 65	2467-2286	Kovalyukh, Nazarov, 1999
11	Отрядный 36/4	Ки-483	3660 ± 120	2210-1880	Черных и др., 2000

МЕЖДУРЕЧЬЕ ИНГУЛА И ДНЕПРА

Материал: дерево

№	Адрес	Лаб. №	ВР	ВС 68%	Источники
1	Виноградное 15/12	Ки-7097	4220 ± 70	2897-2699	Назаров, Ковалюх, 1999
2	Виноградное 15/5	Ки-7095	4200 ± 60	2884-2679	Назаров, Ковалюх, 1999
3	Виноградное 15/5	Ки-7129	4145 ± 55	2876-2585	Kovalyukh, Nazarov, 1999
4	Виноградное 4/4	Ки-7093	4180 ± 65	2881-2624	Назаров, Ковалюх, 1999
5	Виноградное 4/6	Ки-7094	4150 ± 65	2878-2583	Назаров, Ковалюх, 1999
6	Червоный Яр 1/10	Ки-1436	4100 ± 130	2880-2500	Черных и др., 2000
7	Верхнетарасовка I, 59/13?	Ки-957	4090 ± 95	2870-2510	Черных и др., 2000
8	Верхнетарасовка 9/18	Ки-602	4070 ± 120	2870-2490	Черных и др., 2000
9	Стрюковка 105/20	Ки-897	4035 ± 60	2860-2490	Черных и др., 2000
10	Дмитровка 10/12	Ле-824	3920 ± 50	2500-2340	Черных и др., 2000
11	Верхнетарасовка 21/11	Ки-7074	3860 ± 70	2462-2202	Назаров, Ковалюх, 1999
12	Дмитровка 1/5	Ле-822	3850 ± 90	2460-2200	Черных и др., 2000
13	Верхнетарасовка 17/3	Ки-581	3820 ± 190	2600-1950	Черных и др., 2000
14	Верхнетарасовка 21/11	Ки-582	3740 ± 150	2400-1970	Черных и др., 2000
15	Дмитровка 1/16	Ле-823	3680 ± 60	2190-1970	Черных и др., 2000

Материал: кость

№	Адрес	Лаб. №	ВР	ВС 68%	Источники
1	Чкалово 11/11	Ки-6572	4060 ± 55	2850-2488	Nikolova, 1999
2	Чкалово 11/11	Ки-6572a	4005 ± 55	2580-2460	Nikolova, 1999
3	Чкалово 11/11	Ки-6829	3900 ± 55	2460-2296	Nikolova, 1999
4	Чкалово 11/11	Ки-6829a	3990 ± 50	2574-2456	Nikolova, 1999
5	Чкалово 11/9	Ки-6571a	4035 ± 50	2608-2470	Nikolova, 1999
6	Чкалово 11/9	Ки-6828a	4010 ± 50	2574-2454	Nikolova, 1999
7	Чкалово 11/9	Ки-6571	3985 ± 45	2540-2456	Nikolova, 1999
8	Чкалово 11/9	Ки-6828	3960 ± 50	2562-2354	Nikolova, 1999
9	Головковка 11/5	Ки-6723	4030 ± 60	2614-2494	Nikolova, 1999a
10	Головковка 5/5	Ки-6731	4005 ± 55	2610-2470	Nikolova, 1999a

11	Головковка 7/4	Ки-6722	3980 ± 60	2574-2360	Nikolova, 1999a
12	Шахта 22, 2/9	Ки-6834	3970 ± 50	2568-2360	Nikolova, 1999
13	Шахта 22, 2/9	Ки-6834a	3930 ± 50	2470-2332	Nikolova, 1999
14	Головковка 5/3	Ки-6730	3960 ± 60	2564-2348	Nikolova, 1999a
15	Головковка 5/3	Ки-6730a	3925 ± 55	2490-2330	Szmyt, 1999
16	Головковка 12/3	Ки-6724	3950 ± 50	2556-2348	Nikolova, 1999a
17	Протопоповка 1/2	Ки-6733	3945 ± 50	2580-2360	Nikolova, 1999a
18	Протопоповка 1/3	Ки-6734	3925 ± 55	2560-2340	Nikolova, 1999a
19	Головковка 3/1	Ки-6718	3920 ± 60	2468-2296	Nikolova, 1999a
20	Головковка 14/9	Ки-6729	3920 ± 50	2580-2010	Nikolova, 1999a
21	Головковка 14/2	Ки 6727	3910 ± 55	2464-2316	Nikolova, 1999a
22	Чкалово 11/8	Ки-6827	3910 ± 45	2460-2334	Nikolova, 1999
23	Головковка 14/7	Ки-6728	3905 ± 55	2500-2300	Nikolova, 1999
24	Шахта 22, 2/6	Ки-6833	3900 ± 55	2460-2296	Nikolova, 1999a
25	Головковка 14/3	Ки-6725	3895 ± 55	2458-2294	Nikolova, 1999a
26	Протопоповка 1/4	Ки-6732	3890 ± 55	2410-2310	Nikolova, 1999a
27	Головковка 6/9	Ки-6720	3880 ± 55	2456-2284	Nikolova, 1999a
28	Головковка 6/11	Ки-6721	3850 ± 55	2460-2296	Nikolova, 1999a
29	Головковка 14/4	Ки-6726	3840 ± 50	2398-2198	Nikolova, 1999a
30	Головковка 6/8	Ки-6719	3790 ± 55	2568-2356	Nikolova, 1999a

ЛЕСОСТЕПЬ

Материал: дерево

№	Адрес	Лаб. №	ВР	ВС 68%	Источники
1	Баштечки 4/2	Ки-1720	4450 ± 70	3320-2930	Черных и др., 2000
2	?	Ки-3139	4450 ± 50	3330-3010	Сыволап, 2001
3	Доброводы 2/3	Ки-2122	4370 ± 60	3090-2910	Черных и др., 2000
4	Доброводы 2/3	Ки-7092	4040 ± 55	2621-2472	Назаров, Ковалюх, 1999
5	Доброводы 1/2	Ки-2124	4200 ± 70	2910-2620	Черных и др., 2000
6	?	Влп-4602	4182 ± 46	2880-2670	Сыволап, 2001
7	?	Ки-4044	4060 ± 60	2840-2470	Сыволап, 2001
8	Приднепровское 3/2	Ки-7101	3990 ± 55	2574-2464	Назаров, Ковалюх, 1999
9	Доброводы 2/6	Ки-2107	3980 ± 45	2580-2460	Черных и др., 2000
10	Приднепровское 4/1	Ки-7100	3970 ± 50	2563-2461	Назаров, Ковалюх, 1999
11	Доброводы 1/6	Ки-7090	3960 ± 60	2563-2353	Назаров, Ковалюх, 1999
12	Доброводы 2/4	Ки-2129	3960 ± 55	2580-2460	Черных и др., 2000
13	Приднепровское 3/1	Ки-7099	3950 ± 65	2560-2349	Назаров, Ковалюх, 1999
14	Доброводы 2/10	Ки-7091	3920 ± 60	2470-2306	Назаров, Ковалюх, 1999

ДНЕПРОВСКОЕ ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ

Материал: дерево

№	Адрес	Лаб.№	ВР	ВС 68%	Источники
1	Миновка 2/5	Ки-858	4590 ± 110	3510-3100	Черных и др., 2000
2	Могилев, Брюловата Могила /5	Ки-522	4530 ± 130	3500-2900	Черных и др., 2000
3	Могилев, Брюловата Могила /5	Лг-?	3830 ± 120	2470-2130	Черных и др., 2000
4	Широкая балка 3/6	Ки-1717	4450 ± 85	3330-2930	Черных и др., 2000
5	Перешипино 1/13	Ки-659	4405 ± 120	3320-2910	Черных и др., 2000
6	Подкалиновка 5/5	Ки-1441	4400 ± 150	3340-2900	Черных и др., 2000
7	Любимовка 27/9?	Мо-72	4390 ± 60	3100-2920	Черных и др., 2000
8	Балки 1/57	Ки-606	4370 ± 120	3310-2890	Черных и др., 2000
9	Балки 1/57	Ки-7073	3930 ± 60	2488-2312	Назаров, Ковалюх, 1999
10	Запорожье 1/14	Ки-7072	4360 ± 70	3083-2879	Черных и др., 2000
11	Перешипино 1/7	Ки-603	4310 ± 105	3100-2700	Черных и др., 2000
12	Перешипино 1/7	Vs-?	4215 ± 65	2920-2660	Черных и др., 2000
13	Перешипино 1/6	Ки-100/4	4290 ± 90	3090-2700	Черных и др., 2000
14	Могилев, Брюловата Могила /6	Ки-497	4270 ± 120	3090-2620	Черных и др., 2000
15	Могилев, Брюловата Могила /6	Ки-493	4020 ± 80	2860-2460	Черных и др., 2000
16	Могилев, Брюловата Могила /6	Ле-1167	4000 ± 100	2870-2360	Черных и др., 2000
17	Подкалиновка 6/12	Ки-1715	4180 ± 60	2890-2620	Черных и др., 2000
18	Чернявщина 3/2	Ки-803	4180 ± 120	2920-2600	Черных и др., 2000
19	Чернявщина 3/2	Vs-?	3790 ± 105	2460-2130	Черных и др., 2000
20	Широкая балка 1/6	Ки-7087	4105 ± 55	2860-2504	Назаров, Ковалюх, 1999
21	Балки 1/40	Ле-1168	4080 ± 90	2870-2500	Черных и др., 2000
22	Балки 1/40	Ки-587	3990 ± 110	2900-2300	Черных и др., 2000
23	Могилев, Брюловата Могила /12	Ки-494	4080 ± 100	2870-2500	Черных и др., 2000
24	Миновка 1/3	Ки-421	3970 ± 80	2610-2350	Черных и др., 2000
25	Волчанск 1/18	Ки-2191	3860 ± 50	2460-2290	Черных и др., 2000
26	Могилев 1/6	Ки-497	3840 ± 120	2470-2130	Черных и др., 2000

Материал: кость

№	Адрес	Лаб. №	ВР	ВС 68%	Источники
1	Мироновка 1/8	Ки-6741	4235 ± 60	2900-2710	Szmyt, 1999
2	Мироновка 3/1	Ки-5828	4010 ± 60	2630-2460	Szmyt, 1999
3	Тальянки 1/1	Ки-6714	3990 ± 50	2570-2450	Szmyt, 1999
4	Тальянки 1/2	Ки-6715	3945 ± 50	2530-2360	Szmyt, 1999
5	Тальянки 1/3	Ки-6716	3905 ± 60	2470-2290	Szmyt, 1999
6	Мироновка 7/2	Ки-5823	3895 ± 60	2450-2280	Szmyt, 1999
7	Мироновка 2/3	Ки-5826	3875 ± 60	2440-2225	Szmyt, 1999

8	Мироновка 2/4	Ки-5825	3810 ± 55	2370-2170	Szmyt, 1999
---	---------------	---------	-----------	-----------	-------------

ЛУГАНСКО-ДОНЕЦКИЙ РЕГИОН

Материал: дерево

№	Адрес	Лаб №	ВР	ВС 68%	Источники
1	Привольное 11/5	Ки-1437	4800 ± 140	3780-3370	Черных и др., 2000
2	Астахово 3/15	Ки-853	4750 ± 140	3700-3370	Черных и др., 2000
3	Привольное 1/9	Ки-1707	4550 ± 100	3380-3040	Черных и др., 2000
4	Кремневка 6/7	Ки-7125	4365 ± 55	3080-2900	Kovalyukh, Nazarov, 1999
5	Кремневка 6/7	Ки-7077	4170 ± 60	2876-2578	Назаров, Ковалюх, 1999
6	Кремневка 6/6	Ки-7124	4325 ± 60	3020-2880	Kovalyukh, Nazarov, 1999
7	Кремневка 6/6	Ки-7076	4130 ± 70	2876-2617	Назаров, Ковалюх, 1999
8	Николаевка 5/12	Ки-873	4300 ± 100	3100-2700	Черных и др., 2000
9	Кремневка 6/4	Ки-1708	4250 ± 60	2930-2700	Черных и др., 2000
10	Сватово 1/1	СОАН-1043	4150 ± 30	2880-2660	Черных и др., 2000
11	Сватово 1/1	Ки-585	4000 ± 190	2900-2300	Черных и др., 2000
12	Сватово 2/1	Ки-586	4010 ± 180	2900-2300	Черных и др., 2000
13	Сватово 2/1	СОАН-1044	3850 ± 30	2460-2290	Черных и др., 2000
14	Войтово 4/8	Ки-1718	3980 ± 60	2610-2400	Черных и др., 2000
15	Астахово 3/15	Ки-7075	3950 ± 65	2462-2202	Назаров, Ковалюх, 1999
16	Привольное 8/1	Ки-1214	3770 ± 100	2400-2040	Черных и др., 2000

Материал: кость

№	Адрес	Лаб. №	ВР	ВС 68%	Источники
1	Клешня 3, п.2	Ки-7847	4120 ± 60	2861-2581	Манько, Телиженко, 2003
2	Клешня 3, п.2	Ки-7848	4170 ± 60	2877-2669	Манько, Телиженко, 2003
3	Клешня 3, п.2	Ки-7849	4050 ± 60	2833-2471	Манько, Телиженко, 2003

ПРИКУБАНЬЕ

Материал: кость

№	Адрес	Лаб. №	ВР	ВС 68%	Источники
1	Олений 2/19	Ле 23117	4020 ± 60	2860-2470	Черных и др., 2000
2	Олений 2/30	Ле-23116	3790 ± 160	2470-2030	Черных и др., 2000

ПОДОНЬЕ

Материал: дерево

№	Адрес	Лаб. №	ВР	ВС 68%	Источники
	НИЖНИЙ ДОН				

1	Усьман 1/13	UKLA-1271	4150 ± 80	2890-2610	Черных и др., 2000
	СРЕДНИЙ ДОН				
2	Павловск 38/4	ИГАН-?	4580 ± 90	3500-3100	Черных и др., 2000

КАЛМЫКИЯ

Материал: дерево

№	Адрес	Лаб №	ВР	ВС cal	Источники
1	Манджикены II 1/3	GrA-12690	4060 ± 50	2835-2475	Шишлина и др., 2001
2	Цаца 6/4	Ле-?	3980 ± 50	2580-2460	Черных и др., 2000
3	Манджикены I 3/2	ИГАН-1850	3980 ± 110	2700-2300	Шишлина, 1999
4	Манджикены II 1/2	ИГАН-2042	3920 ± 70	2550-2295	Шишлина и др., 2001
5	Цаца 6/3	Ле-?	3690 ± 120	2290-1920	Черных и др., 2000
6	Остров 3/33	ИГАН-2116	3620 ± 260	2393-1635	Шишлина и др., 2001

Материал: кость

№	Адрес	Лаб №	ВР	ВС cal	Источники
1	Зунда-Толга 1/15	ИГАН-1528	4586 ± 77	3500-3100	Черных и др., 2000
2	Манджикены I 4/10	ИГАН-2402	4240 ± 70	2911-2700	Шишлина и др., 2003
3	Манджикены II 11/2	ИГАН-2058	4070 ± 40	2835-2495	Шишлина и др., 2001
4	Манджикены II 11/3	ИГАН-2056	4050 ± 50	2830-2475	Шишлина и др., 2001
5	Зунда-Толга 3/3	ИГАН-1634	3955 ± 41	2555-2355	Шишлина и др., 2001
6	Манджикены I 4/12	ИГАН-2492	3930 ± 70	2489-2313	Шишлина и др., 2003
7	Манджикены I 3/2	ИГАН-1891	3910 ± 50	2830-23	Шишлина и др., 2003
8	КВЧ-56 17/3	ИГАН-1006	3850 ± 40	2405-2205	Шишлина и др., 2001
9	Манджикены II 11/4	ИГАН-2057	3760 ± 40	2275-2065	Шишлина и др., 2001
10	КВЧ-56 8/7	ИГАН-1005	3510 ± 90	2135-1780	Шишлина и др., 2001
11	КВЧ-56 13/9	ИГАН-1004	3500 ± 150	2030-1625	Шишлина и др., 2001

ВОЛГО-УРАЛЬСКИЙ РЕГИОН

Материал: дерево

№	Адрес	Лаб. №	ВР	ВС cal	Источники
1	Шумаево II Одиночный курган/2	?	?	2870-2490	Моргунова, Турецкий, 2003
2	Шумаево II 6/6	?	?	2870-2490	Моргунова, Турецкий, 2003
3	Шибельный	?	3880 ± 90	2500-2200	Черных и др., 2000

Материал: кость

№	Адрес	Лаб. №	ВР	ВС cal	Источники
1	Н.Орлянка 4/2	АА-12573	4520 ± 75	3350-3100	Черных и др., 2000
2	Н.Орлянка 1/5	ОхА-4254	4510 ± 75	3350-3100	Черных и др., 2000
3	Кутулук I, 4/1	ОхА-4306	4400 ± 70	3110-2920	Черных и др., 2000
4	Кутулук I, 4/1	АА-12570	4370 ± 75	3100-2910	Черных и др., 2000

5	Першин 1/4	Вм-3157	4200 ± 60	2910-2660	Черных и др., 2000
6	Н.Павловка 2/3	Ки-7766	4010 ± 90	2835-2351	Кузнецов, 2000

Таблица 1. Датировка захоронений ямной КИО

Регион	Интервал по региону	Интервал ВС 68%	
		дерево	кость
Балканы	начальный	3360-3100	-
	конечный	2890-2450	-
Северо-Западное Причерноморье	начальный	3700-3370	2430-2240
	конечный	2260-2090	2370-2170
Междуречье Буга и Ингула	начальный	3050-2450	-
	конечный	2210-1880	-
Междуречье Ингула и Днепра	начальный	2897-2699	2850-2488
	конечный	2190-1970	2568-2356
Лесостепь	начальный	3320-2930	-
	конечный	2470-2306	-
Днепровское Левобережье	начальный	3510-3100	2900-2710
	конечный	2470-2130	2370-2170
Луганско-Донецкий регион	начальный	3780-3370	2861-2581
	конечный	2400-2040	2833-2471
Прикубанье	начальный	-	2860-2470
	конечный	-	2470-2030
Нижний Дон	начальный	2890-2610	-
	конечный	-	-
Средний Дон	начальный	3500-3100	-
	конечный	-	-
Калмыкия	начальный	2835-2475	3500-3100
	конечный	2393-1635	2030-1625
Волго-Уральский регион	начальный	2870-2490	3350-3100
	конечный	2500-2200	2835-2351